

The background of the entire page is a photograph of a sunset. The sun is a bright yellow-orange orb positioned in the center of the frame, just above the horizon. Its light creates a long, shimmering reflection on the surface of a river. A bridge with multiple arches spans the river in the middle ground. In the foreground, a dark, snow-covered embankment slopes down towards the water. The sky is filled with soft, orange and pink clouds. The overall mood is serene and contemplative.

Татьяна Дмитриева

Книга поколений

*Нижегородским
троцкистам
посвящается*

Татьяна Дмитриева

**Книга поколений. Нижегородским
троцкистам посвящается**

«Издательские решения»

Дмитриева Т.

Книга поколений. Нижегородским троцкистам посвящается /
Т. Дмитриева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-603653-6

«Книга поколений» — отличается от всех предыдущих. Это — документальный роман, посвященный нижегородским троцкистам. В книге нет ни слова вымысла, она полностью основана на документах, легально полученных из архивов НКВД.

ISBN 978-5-00-603653-6

© Дмитриева Т.
© Издательские решения

Содержание

Семейные предания	9
Баба Роза	11
Дедушка Гришанин Николай Иванович	12
Жестяников Яков Вульфович	14
Жестяников Лев Вульфович	15
Тетя Лиля	16
Жестяников Изолит Григорьевич	18
Уроки истории	20
Троцкизм	21
Рокоссовский Константин Константинович	30
Василий Константинович Блюхер	33
Вавилов Николай Иванович	36
Смирнов Иван Никитич	38
Наркомы внутренних дел СССР	42
Генрих Ягода	43
Ежов Николай Иванович	46
Лаврентий Павлович Берия	49
Киров Сергей Миронович	53
Почему Л. В. Николаев убил Кирова	56
Протокол допроса Арестованного Николаева Леонида Васильевича	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Книга поколений Нижегородским троцкистам посвящается

Татьяна Дмитриева

Нижегородским «троцкистам» посвящается

© Татьяна Дмитриева, 2023

ISBN 978-5-0060-3653-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ученые историки заметили странную закономерность. С годами одни и те же события вспоминаются их участниками по-разному. Часто приводится пример со смертью Кеннеди. Свидетели теперь рассказывают разные версии увиденного, существенно расходясь в деталях.

Существует несколько версий таких расхождений:

- парадоксы памяти;
- произвольная подгонка показаний под сегодняшние реалии;
- свершение похожих событий в разных, параллельных реальностях, которые потом схлопнулись в одну, а свидетели видели аналогичные в целом, но разные в деталях события.

Такие парадоксальные явления относятся к событиям, которые произошли на отрезке одной жизни, точнее – на отрезке жизни одного поколения. Что же говорить о событиях, которые произошли несколько поколений назад? От них остаются легенды, которые передаются из поколения в поколение, и архивные документы, которые отражают ту, давнюю реальность сухим языком казенных учреждений.

В наше время остаются еще и многочисленные фотографии и видеоролики, на которых иногда зафиксирован каждый шаг, каждый чих людей, которые предпочитают реальной жизни ее имитацию. В надежде, что наивные зрители примут ее за настоящую жизнь.

Но еще пару поколений назад фотографии были дорогим удовольствием, которое люди позволяли себе по праздникам, а поколения наших бабушек и прабабушек вообще могли их не иметь, или имели только те фотографии, которые украшали их арестантские дела. Поэтому в моей книге будет мало фотографий.

Все началось с того, что моя дочь, юрист по специальности, смогла наконец-то получить из Нижегородского архива дело моей бабушки, репрессированной в 1936 году и реабилитированной в 1956. Это оказалось сложным делом. Дочери пришлось по суду доказывать свое родство. А проблема состояла в том, что наши предки время от времени меняли свои имена и даже отчества, совершенно не думая о том, как их потомки будут доказывать свое с ними родство.

Кроме смены имен осложняло дело правописание. Фамилия моей бабушки Жестяникова в разных документах пишется то с одной «н», то с двумя. Разница в правописании коснулась и многих других, упоминаемых в этой книге. Баташев иногда в документах, особенно в протоколах допросов, становится Баташовым, Махмудбеков становится Махмутбековым, неувязки есть и в биографиях видных политических деятелей, таких как Троцкий, Рокоссовский, Блюхер и другие.

Первой, вполне официально, сменила имя Рахиль на имя Роза моя бабушка. Была она урожденной еврейкой, и в те времена было принято менять инородные, чуждые для русского уха имена на более привычные и благозвучные. Ее первое имя осталось только в автобиографии, в официальных документах она числилась уже Розой.

Грамотность пришедшего к власти пролетариата тоже оставляла желать лучшего, поэтому в разных протоколах допросов, партийных собраний и даже приговорах не только ее фамилия пишется то с одним «н», то с двумя, но и имя ее сына (моего отца) из Будимира превращается в Вудимира, а отчества ее братьев меняются с Вульфовичей на Владимировичей. Те же ляпы в написании фамилии затруднили поиск ее родных, чья история была не менее захватывающей и трагичной.

Далее возникли трудности со сменой имен моего отца и его сестры. Пламенные революционеры, Жестяникова Роза Вульфовна и ее муж, Гришанин Николай Иванович, называли своих детей в духе времени: Будимир и Искра.

Ко времени получения паспортов дети уже репрессированных родителей свои имена поменяли. Отец мой стал Дмитрием, а его сестра – Ириной. В результате в свидетельствах о рождении у них одни имена, а в паспортах – другие. Такие фокусы были возможны из-за неразберихи начала войны. В Арзамасе, в котором они родились, были частично разбомблены архивы с метрическими данными. Немцы в Арзамас не входили, но бомбардировщики долетали. Метрики были восстановлены позже, уже после войны. Кроме имени отец поменял и год рождения – приписал себе год, чтобы уйти на фронт на год раньше. Вряд ли это было сделано, чтобы скрыть информацию о своих репрессированных родителях – их-то в восстановленных свидетельствах о рождении и паспортах они указали правильно.

При чтении официальных документов могут броситься в глаза особенности правописания того времени. Например, слово «партком» в большинстве документов написано с большой буквы. То же касается и Института Марксизма-Ленинизма. В большинстве документов в наименовании этого института все три слова пишутся с большой буквы. То же касается горкомов, райкомов и других учреждений. Я старалась сохранять орфографию того времени, позволяя себе лишь разбивать сплошные листы нечитаемого текста на абзацы и расставлять знаки препинания более привычным для нас способом.

Изменены и правила склонения некоторых фамилий, особенно не русских. Например, фамилии мужчин Михельсона и Партигула в половине документов не склонялась, поэтому создавалось впечатление, что их носители – женщины. В таких случаях я пользовалась современными правилами написания фамилий. То же относится и к склонению некоторых названий, которые раньше склоняли направо и налево. Особенно это относится к географическим названиям. Например, название городка Сормово, который сейчас является районом Нижнего Новгорода, повсеместно склоняется, но это не так режет ухо, поэтому в текстах оставлено без изменений.

Многие могут подумать: зачем ворошить прошлое? Отбросим все стандартные ответы типа:

- чтобы не повторять прошлых ошибок;
- чтобы сохранять память поколений;
- чтобы черпать силы в прошлом для преодоления сегодняшних проблем;
- чтобы гордиться своими предками и так далее.

Я решила написать эту книгу по трем причинам:

- об этом просят мои дети и внуки;
- об этом просит моя душа;
- в трудные минуты жизни я черпаю силы в истории моего рода, и неоднократно мне доводилось принимать правильное решение и проявлять стойкость там, где было бы проще согласиться и поплыть по течению.

Всю жизнь я ощущаю за спиной силу рода, она дает мне силы и право поступать так, как мне велит моя совесть. Предки мои по отцовской линии большую часть жизни провели в Ниже-

городской губернии, учились в Москве, часть семьи уехала в Ленинград, поэтому репрессии захватили их родных, друзей и коллег в Нижнем Новгороде, Москве и Ленинграде. Читая материалы дела, я пыталась найти информацию обо всех фигурантах дела – как они проявляли себя в качестве свидетелей обвинения, какое будущее было уготовлено им в Сталинские и более поздние времена.

Принято считать, что на допросах в НКВД многие не выдерживали физического и морального давления и начинали давать те показания, которые от них требовали. Материалы дела моей бабушки показывают обратное: стойких коммунистов и порядочных людей было гораздо больше. Возможно, кто-то из их предков, прочтя строки об их далеком предке, тоже почувствуют за своей спиной силу и стойкость рода?

Возможно, многие просто не знают истории своей семьи и сейчас вслед за не помнящими родства начинают призывать вернуть сталинские времена. Это их право. Но не исключено, что, прочитав протокол допроса их бабушки или дедушки в застенках НКВД, они задумаются, стоит ли слепо копировать канувшие в Лету времена.

В этой книге я взяла на себя роль копирайтера – человека собирающего по крупицам информацию и старающегося не давать найденным фактам никакой эмоциональной оценки, особенно в отношении чужих для меня людей. Иногда мои эмоции прорываются только в отношении моих родных. Поведение других людей я не оцениваю, а только констатирую известные факты, потому что не знаю, как бы повела себя в предложенных обстоятельствах.

В тех случаях, когда мне кажется, что нужен мой комментарий к тому или иному документу, я выделяю свои мысли курсивом, чтобы было понятно, что это – мое личное мнение. Раньше авторы делали сноски со словами «от автора».

И еще одна причина толкает меня написать эту книгу. Сейчас в интернете много рассуждений на тему: не так уж много жертв НКВД было уничтожено, такой погрешностью можно пренебречь. И приводят официальную статистику. Господа и товарищи! Грош цена той статистике. Кто знает, сколько смертей стояло за формулировкой «10 лет без права переписки»? Такой формулировке удостоился мой убитый на допросе дед. У части родственников жизнь оборвалась в 1937—1938 году вообще без всяких формулировок: вот жил человек, работал, любил, растил детей, а потом просто исчез, будто его и не было. И что с ним произошло, история умалчивает. И даже запрос направить в архивы мы не имеем право, так как не являемся их прямыми родственниками. А таковых уже и не осталось.

В приводимых в книге протоколах партийных собраний, допросов и очных ставок – дух того времени. В книге нет ни грамма вымысла – только документы, и в них дух времени, судьбы моих родных и тысяч других людей, попавших под «молот правосудия».

Я искренне благодарна моей дочери Ольге, которой удалось получить материалы о моей бабушке, ее прабабушке. И моему внуку Владиславу, который помогал собирать материалы для этой книги, и который моей бабушке и дедушке приходится уже прапраправнуком. Они проявили живой интерес и сделали все, что могли. Значит, тоже чувствуют силу рода, значит, не прерывается связь времен. Я благодарна и моей младшей дочери Наталье за то, что поддерживала меня в моем желании написать эту книгу.

Я читаю протоколы и диву даюсь. Такое впечатление, что мирно беседуют два интеллигентных человека. В протоколах нет ничего о мерах физического воздействия, но душой я чувствую те места, где мирная беседа могла перерасти в избиение подсудимой или свидетеля. Обычно сердце сжимается, когда я читаю вопрос следователя: вы говорите неправду, дайте следствию правдивые показания. Я чувствую, как старается не потерять спокойствия после удара молодая женщина, как она тщательно подбирает слова, чтобы не нанести вред кому-то из друзей или знакомых.

И есть и еще одна причина, почему я думаю, что книга может заинтересовать кого-то еще, кроме членов моей семьи. Дело в том, что в ее истории отражена история моей страны. В показаниях и протоколах упоминаются имена видных политических и военных деятелей страны – Ленина, Троцкого, Зиновьева, Блюхера, Рокоссовского и Кирова; великого ученого Вавилова; крупных деятелей троцкистской оппозиции, среди которых были и те, кто даже не знал, что он – троцкист.

В этой книге будет гораздо больше стойкости, мужества и патриотизма, чем подлости, малодушия и предательства. Да, в ней будет жестокость – но не выдуманная, а просто имевшая место в те далекие времена, память о которых помогает нам выстоять в любые времена и в любых обстоятельствах.

Книга начнется с той информации, которую хранят поколения нашей семьи, и продолжается уже на документальной основе полученных в архиве документов. Кстати сказать, пока получить удалось только дело моей бабушки. Дело сгинувшего в кабинетах НКВД дедушки найти пока так и не удалось, хотя Ольга разослала запросы в архивы всех городов, через которые прошел з/к Гришанин.

Семейные предания

Когда арестовали родителей, моему отцу было 10 лет, а его сестренке – 8. Поэтому многие семейные устные предания основаны на понимании ситуации десятилетним Будимиром, который рассказывал мне, своей дочери-подростку, о своей семье.

Отца моего и его сестру ждала судьба всех детей врагов народа – специнтернат, мало чем отличавшийся от тюрьмы для малолетних. Хотя позже Сталин и сказал свою знаменитую фразу: «Сын за отца не отвечает», дети отвечали по полной. Отцу удалось сбежать из этого учреждения. Он не знал, куда идти, и долго бродил по Горькому, от дома к дому, где проживали знакомые или очень дальние родственники, но нигде не мог найти пристанища – от него шарахались, как от чумного.

И тогда он решил пойти к самому близкому когда-то человеку – его нянечке, которая растила их с сестрой, пока их мама занималась партийной работой в Сормове. Сейчас название этого отдаленного района не принято склонять, но тогда во всех документах писали именно так: в Сормове. Там жила его бывшая няня, простая деревенская женщина. Вот она-то и приняла ребенка, голодного и еле волочившего ноги – жители Нижнего знают, как далек от центра этот район, который в то время считался самостоятельным поселком или даже городком. Она его обогрела, накормила, пожалела и спрятала: отвезла к своей родне в деревню Дубское, дальнее село на речке Пьянке, до которого-то и в 60-е годы было не легко добраться. Вела к нему от железной дороги многокилометровая «сельская» дорога – десятки километров такого бездорожья, что никакой воронок в те годы не стали бы гонять по ней ради сбежавшего мальчишки.

Интересный факт открылся для меня из протокола допроса моего дедушки. Оказывается, он тоже родился в деревне Дубское. Тогда многое встает на свои места. Тогда было принято нанимать в няньки дальних родичей или просто знакомых женщин из родной деревни. Не исключено, что там еще оставались дальние родственники моего отца.

К сожалению, я не запомнила имени той пожилой женщины, которая приютила моего отца, но знаю, что она была на селе персоной уважаемой – бабкой-травницей, которая лечила односельчан травами от всех хворей. Отец пацаном ходил с ней в лес за травами, и меня всегда удивляло его знание растений, понимание поведения птиц, насекомых и всех живых лесных тварей. Кстати, через пару лет он выкрал из специнтерната свою сестру, которую тоже приняли в деревне.

Много лет спустя, когда у папы нас, дочерей, уже было две, а сам он был майором советской армии, он повез нас в Дубское, чтобы показать спасших его людей. Деревня была все так же далека от цивилизации, за хлебом ездили километров за 10 на лошадке, запряженной в телегу, или ходили пешком. В реке было полно рыбы, в огородах – овощей и ягод, на полях – пшеницы. Быт был очень скромным, но простым и здоровым. Многих из тех, кто знал папу мальчишкой, уже не было в живых, но большинство помнили его и искренне радовались, что он стал офицером, что воевал, и что не зазнался и вспоминает о них. Его с мамой водили из хаты в хату, и везде накрывали щедрые по-деревенски столы и наливали самогончики.

А днем, когда сельские жители работали в поле, мы ходили на речку. Она была невероятно по нынешним временам чиста, глубока и быстра, с омутами, в которых спали сомы, и с водоворотами, к которым отец нам запрещал подплывать. Нам, городским девчонками, сельский быт пришелся по нраву – ведь мы не видели, как вкалывают сельчане, пока мы прохлаждаемся на речке. И только позже мы поняли смысл поездки. Он был не в том, чтобы вывезти семью на отдых, а в том, чтобы отдать дань тем людям, которые делали для него добро, которые заменили ему семью и близких, которых время слизало, как корова языком.

Еще раз напомним, что семейные предания основывались на восприятии событий моим отцом, в то время десятилетним мальчиком. Он ушел рано, и в то время никаких документов из архива он получить не мог, кроме постановления о реабилитации, поэтому легенды оставались единственной информацией о тех временах.

Баба Роза

Так мы, ее внучки, называли ее уже в 60-е годы, когда она вернулась из ссылки, и еще однажды, когда мы ездили к ней куда-то в Марийскую глубинку, где она оставалась на поселении после отбытия наказания. Я еще не ходила в школу, точнее, была совсем крошкой, поэтому не помню названия деревни, помню только бесконечно долгую поездку на поезде, с пересадками. И еще – боковые места и маленький столик, к которому мы, все четверо, могли сесть, придвинув еще и чемодан, и почему-то мы с сестрой оспаривали право сидеть в проходе на чемодане.

От бабушки осталось тогда очень теплое ощущение и непонимание, чему она так радуется, что у нее есть сын, который от нее никогда не отказывался. А что? – так можно было? И зачем? И радость встречи с внучками. Подумаешь, девчонки, как девчонки. И еще ее гордость о том, что ей восстановили партийный стаж. Ну, это уже вообще было выше моего понимания, и я уснула прямо у нее на руках, утомленная многодневной дорогой.

Потом, когда ей было разрешено вернуться в Горький, мы тоже к ней приезжали, она всегда была ласкова и добра, но и разговоров о политике при нас сроду не было, поэтому история у нас в головах оставалась такой, какой ее рассказывал нам, детям, взрослый человек так, как понял ее в детстве. Возможно, что каждый из нас представлял и дополнял ее деталями так, как подсказывал нам тогда наш скромный жизненный опыт.

В папином пересказе арест бабы Розы, в то время молодой коммунистки Жестяниковой Розы Вульфовой, происходил из-за ее защиты знакомых троцкистов. Кто такие троцкисты мы точно не знали, но папа нам говорил, что Троцкий сначала был другом Ленина, а потом стал с ним спорить, а Сталину вообще встал поперек горла.

Защиту троцкистов мы представляли так: бабушку, секретаря парткома, стали настаивать аресты настоящих коммунистов, большевиков и преданных ленинцев. Она долго терпела, даже когда исключили из партии ее мужа, Гришанина Николая Ивановича. Но аресты продолжались, и она решила поехать искать правду в Москву. Ей удалось прорваться в приемную Сталина, где на вопрос о цели поездки она ответила, что арестованы ее друзья, верные партийцы, за которых она может поручиться. Ее спросили, кто она такая, чтобы давать такие поручительства. Роза ответила, что она секретарь Парткома Института Марксизма-Ленинизма, что она коммунистка с 1919 года, что знала самого Ленина. Тут же последовал вопрос: а, может, вы и Троцкого знали?

– Конечно, – ответила бабушка. – И Троцкого, и Зиновьева. Близко не знала, но видела их на двух съездах партии, когда они были еще близкими соратниками Ленина, слушала их выступления.

Так бабушка стала троцкисткой и заступницей контрреволюционеров.

Ездила ли бабушка на самом деле в Москву заступаться за троцкистов, мне не известно, об этом в деле нет упоминаний, но такая инкриминированная ей статья там есть, есть и многочисленные показания на эту тему. Точнее, есть факты ее заступничества за троцкистов, которые в то время еще таковыми не считались, а были просто друзьями и коллегами, которые подвергались травле за не к месту сказанное слово или не во время сделанный неосмотрительный поступок.

Дедушка Гришанин Николай Иванович

В отличие от бабушки, своего деда я никогда не видела, так как он сгинул задолго до моего рождения. Семейная легенда гласит, что дедушка был сначала исключен из партии, потом осужден как троцкист. Но непосредственным поводом для преследования стал якобы взрыв в лаборатории Чернореченского химического завода под Дзержинском, где он работал главным инженером цеха. Хотя взрыв и произошел в ночную смену, а лаборантка, пока была еще жива, дала письменные показания, что сама виновата в происшедшем, так как нарушила инструкцию и произвела опыт, который ей никто не поручал, ответственность все равно легла на плечи деда. А тут уж подоспел арест его жены, который стал отягощающим обстоятельством.

Тут уж ему припомнили его троцкистское прошлое, которое заключалось в том, что в начале 20-х годов, когда в партии шла открытая дискуссия с троцкистами, он однажды проголосовал за резолюцию, предложенную Троцким. За это он был отчислен из Московского Коммунистического института им. Свердлова и отправлен на практическую работу в Нижегородский край.

Круг замкнулся. Ей ставили в вину родство с троцкистом Гришаниным, а ему – с контрреволюционеркой Жестяниковой.

В Горьком он окончил Индустриальный институт им. Жданова по профессии инженер-химик и приступил к работе на ЧРЗ. Арестовали их с бабушкой почти в один день, 4 и 5 ноября 1936 года. Исключили дедушку из партии, в которой он состоял с 1917 года, в сентябре 1936 года, а бабушку еще раньше – в июле. В дальнейшем у каждого из них пытались получить компромат друг на друга, но, судя по протоколам допросов, сделать это не удалось.

Мой дедушка относится к числу тех лиц, которые не вернулись из застенков НКВД. Официально родственникам сообщили приговор: 10 лет без права переписки. Это могло означать все, что угодно. В нашем случае эта формулировка прикрывала тот факт, что дедушку застрелили прямо во время допроса, когда с помощью побоев не смогли выбить из него нужные следствию показания.

Об этом бабушка узнала по «тюремному телеграфу», когда уже отбывала заключение в лагере. Тогда к ним поступил заключенный, который сидел в тюрьме вместе с дедом. Из биографий тех, кто фигурирует в этой книге, я поняла, что у многих судьба делала трагические зигзаги. Сначала их приговаривали к ссылке, тюремному заключению или исправительным лагерям, а потом арестовывали повторно и приговаривали уже к высшей мере. Скорее всего, так было и с моим дедом. Сначала – 10 лет без права переписки, а потом снова – допросы, допросы. Теперь уже нужен был компромат не на бабушку...

Теперь его «крутили» на компромат на Рокоссовского и Блюхера. И застрелили, когда он отказался свидетельствовать против Блюхера. Так ли это, не знаю, но попытаюсь узнать, возможен ли такой ход событий, исходя из фактографии, точнее, исходя из фактов биографии.

Оказывается, обвинения в троцкизме следователям оказалось мало, и его стали раскрывать за знакомства времен Гражданской войны. Скорее всего, это произошло уже позже, в 1937—1938 году. Тогда было нормальным арестовывать уже осужденных повторно и ужесточать наказание. Из анкеты к протоколу допроса по поводу «активной контрреволюционной троцкистской деятельности» Жестяниковой Розы Вульфовны мы узнаем, что в Гражданскую он воевал с 1918 по 1921 год в 35-й стрелковой дивизии в качестве старшего начальствующего состава – военкома батареи, политрука и секретаря партийной ячейки.

Его воинская 8-я категория учета означает, что он занимал должность помощника командира полка или ему равную. Со слов моего отца, который видел своего отца последний раз в возрасте 10 лет, дед в Гражданскую командовал полком. Это вполне могло быть в случае гибели комполка.

Это разговор состоялся, когда в школе я изучала биографию Гайдара и сказала отцу: надо же, он был совсем молоденький, когда в Гражданскую командовал полком. На это отец ответил: твой дед был не многим старше, когда ему тоже пришлось командовать полком. Он воевал у Рокоссовского и знал Блюхера. Тут он тяжело вздохнул и дальше рассказ прервался. Уже позже, когда я немного повзрослела, отец рассказал, что узнал от матери, что деда убили на допросе, когда с него пытались получить компрометирующие показания на Рокоссовского и Блюхера.

Так ли это, мы узнаем, если получим архивное дело на заключенного Гришанина Николая Ивановича, которое пока найти по архивам не удастся. Возможно, дело просто уничтожили, так как даже в те времена для расстрела нужно было хоть какое-то подобие законности – решение Особого Совещания или Особой Тройки. Последние его показания по бабушкиному делу датируются 1937 годом, значит, тогда он еще был жив.

Мог ли дед знать что-то о Рокоссовском или Блюхере? Оказывается, они вполне могли встречаться, хотя вряд ли могли иметь тесные отношения – слишком разное положение они занимали в армейской иерархии.

Однако история 35-й стрелковой дивизии наводит на размышления о том, что знакомы они вполне могли быть. Дивизия освобождала от белогвардейцев Урал и Сибирь. Дивизия Блюхера принимала участие практически во всех операциях по освобождению Сибири. В ноябре 1919 года 51-я дивизия Блюхера вошла в состав 5-й отдельной армии, где служил Рокоссовский, который в августе 1920 года был переведен туда на должность командира 35-го кавалерийского полка 35-й стрелковой дивизии, входившей тогда в состав 5-й армии. Именно в 35-й стрелковой дивизии и служил дедушка.

Надо иметь в виду, что вероятность знакомства не так уж велика: Гришанин был артиллеристом, а Блюхер и Рокоссовский – кавалеристами. Если с Рокоссовским они занимали примерно одинаковое положение – командиров полка, то до комдива Блюхера моему деду было далеко.

Как видно из приведенных обстоятельств, дедушка, тогда совсем юный офицер, все же мог пересекаться и с Рокоссовским, и с Блюхером. Не думаю, что они были дружны, или что дедушка имел на них хоть какой-то компромат. Но даже, если и имел, то не рассказал, а если не имел – то не выдумал, за что и получил расстрел на месте без приговора суда.

Если учесть, что аресты обоих командиров Красной армии датируется 1937—1938 годами, то, скорее всего, и смерть моего дедушки произошла не ранее этого периода. Хотя компромат на обоих командиров Красной армии начали собирать еще в 1937.

Жестяников Яков Вульфович

Как уже понятно из отчества, Яков был родным братом бабушки Розы. Про него нам известно не много. Его судьба при мне никогда не обсуждалась, но из протоколов допроса бабушки ясно, что он подозревался в активной контрреволюционной и троцкистской деятельности. Из «Ленинградского мартиролога» известно, что он обвинялся по статьям 58-7-8-9-11, то сеть ему инкриминировалось:

- вредительство с подозрением в шпионаже;
- терроризм, включая террористические намерения;
- диверсионная деятельность;
- организационная контрреволюционная деятельность.

Яков Вульфович (Владимирович) – еврей, состоял в ВКП (б) с 1918 по 1926 годы, на момент ареста проживал в Ленинграде и служил начальником отдела снабжения завода «Двигатель». Был арестован 15 октября 1936 года (практически синхронно с моей бабушкой и дедушкой, на полмесяца раньше).

5 мая 1937 года Выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу. Приговор привели в исполнение на следующий день, 6 мая. Некоторые подробности мы узнаем из протоколов допроса его сестры, моей бабушки.

Полностью реабилитирован посмертно.

Жестяников Лев Вульфович

Жестяников Лев Вульфович (Владимирович) – второй родной брат бабушки. Про него мы знаем только, что он был исключен из партии и переведен на работу в Сибирь. Поводом к обвинению его в троцкизме послужила какая-то рецензия на одну из его книг о фашизме, в которой автор рецензии углядел близость с взглядами троцкистов. Первая книга, изданная в 1931 году, называлась «Итальянский фашизм». Ее до сих пор можно найти в Российской государственной библиотеке.

Вторую книгу «Фашизм и социал-фашизм», изданную в 1932 году, можно даже найти в интернете. Я ее добросовестно прочла, но ничего «троцкистского» в ней не нашла. Разве что он большое значение придавал международному рабочему движению, а значит, уповал на мировую революцию. Но это вовсе не означает, что он вслед за Троцким считал невозможным построение социализма в одной отдельной стране.

Вторым возможным обвинением могло быть то, что он использовал термин «социал-фашизм», введенный Троцким в отношении европейской социал-демократии. В принципе, обе книги пропитаны исключительно пролетарским и коммунистическим духом, в них изобильно цитируются работы Ленина, Сталина и II Интернационала. Может быть, в этом усмотрели при-
верженность троцкизму – в ссылках на конгресс международного рабочего движения, за которое так ратовал Троцкий?

Интересно, что судьба Льва Жестяникова прослеживается только до 1937 года, что наводит на некоторые размышления. Лев и его жена были преданными коммунистами. Он вступил в партию в 1917 году, а его супруга – в 1919. С 1921 года проживали в Барнауле и Бийске, в 1924 году семья переехала в Сталинград, а в 1927 году – в Ленинград. Скорее всего, переезжали они не добровольно, а работали там, куда их посылала партия. С 1934 по 1937 год Лев Вульфович Жестяников был направлен на практическую работу в Сибирь. Возможно, это уже было связано с необходимостью отстранить его от преподавательской работы. Он занимал должности в исполнительном звене сначала в г. Ленинск (на Кузбассе), а позже в селе Колывань западно-Сибирского края.

В 1937 году он работал председателем райисполкома в селе Колывань. Станный пост, если учесть его преподавательскую и писательскую деятельность в Ленинграде.

Некоторые подробности его карьеры мы тоже узнаем из протоколов допроса его сестры, моей бабушки.

Далее проследить можно только судьбы его детей – Лии и Юрия.

Тетя Лиля

Лия Львовна Жестяникова и ее брат Юрий Львович уехали в 1937 году из Сибирского села Колывань в Ленинград на учебу.

Сын Льва Юрий, 1921 года рождения, поступил в ЛИИ (инженерный институт) на специальность «Двигатели внутреннего сгорания», а позднее перевелся на автомеханический факультет. В первую блокадную зиму от истощения попал в больницу, а в начале 1942 года вместе с институтом эвакуировался в Пятигорск.

Там он работал комбайнером в колхозе вместе со своими друзьями-студентами. После оккупации Пятигорска попал по доносу в гестапо, но там благодаря его внешности белокурого блондина ему удалось убедить фашистов, что он – не еврей. После освобождения Пятигорска Юра стал проситься на фронт, но его не хотели брать в армию из-за сильной близорукости. Но благодаря его упорству он все же был призван на фронт. Погиб в Краснодарском крае при обороне станицы Крымской в 1943 году.

Его сестра Лия всегда мечтала стать биологом, и поступила на биологический факультет Ленинградского Государственного университета. Она училась и работала. Семейные предания гласят, что работала она в Институте растениеводства, который тогда возглавлял Вавилов. Он был не только выдающимся ученым, но и защитником репрессированных – благодаря ему более 40 человек было спасено от «карающего меча революции». Среди них была и моя тетя Лия. Позднее, в 1940 году, самого Вавилова тоже постигла участь «врага народа», но об этом будет отдельная глава.

Была ли угроза ареста Лии Львовны Жестяниковой связана с судьбой ее родителей или с арестом двоюродного дядьки Жестяникова И. Г., арестованного якобы за участие в убийстве Кирова, или с расстрелом дяди Якова, или с арестом тети Розы, – история умалчивает.

Но семейная легенда гласит, что она вышла замуж за офицера, которого обвинили в контрреволюционном заговоре. Мужней женой она пробыла три дня. Фамилию она не меняла, проживали они с будущим супругом в разных общежитиях, а после свадьбы сняли комнату, адреса которой не знал никто. Эти факты сыграли на пользу тете Лили, так как найти ее сразу не смогли. На третий день после свадьбы она, как ни в чем не бывало, вышла на работу и тут же была приглашена в кабинет к Вавилову.

Он предупредил ее, что к нему уже приходило НКВД, искали ее, но он ответил, что отправил ее в командировку в Туркмению решать вопрос с возможностью озеленения пустыни. Он догадывался, что мужа, вышедшего на службу, уже арестовали. Лия должна была выехать в командировку немедленно, даже не заходя в общежитие или на съемную квартиру за вещами, что она и сделала. Скорее всего, она пробыла там в течение 1938 и 1939 года, пока не улеглась шумиха с ее поисками НКВД, тем более, что обвинять ее особенно было не в чем – она и замужем-то пробыла всего три дня!

Вернувшись, она продолжила учебу. Великая Отечественная война застала ее на практике в Одессе. Студенты с трудом, на перекладных, вернулись в Ленинград. Там Лия сразу вступила в батальон народного ополчения санинструктором роты. Опыт работы медсестрой у нее был с финской войны, потому что в 1940 году, параллельно с учебой в университете, она окончила годичные курсы медсестер.

В 1941 году, уже работая в батальоне, она досрочно окончила университет, сдав все госэкзамены. С октября 1941 года она служила в звании старшины медицинской службы сначала в госпитале на Васильевском острове, а потом в госпитале, развернутом на базе Военно-Медицинской Академии.

За свой труд на благо победы Жестяникова Лия Львовна была награждена орденом «Отечественной войны» 2-й степени и медалями «За оборону Ленинграда» и за «Победу над Германией в Великой отечественной войне».

Здоровье ее было сильно подорвано в блокаду, но она продолжала работать в институте растениеводства и учиться в аспирантуре, после окончания которой в 1954 году защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Анатомическое строение плодовой оболочки зерновки пшеницы и его значение для классификации рода *Triticum*».

У меня осталось лишь воспоминание о встрече с тетей Лилей, когда в конце 80-х я с детьми, тогда школьницами, приехала в Ленинград, и мы зашли навестить ее и ее дочь Машу – мою ровесницу, то есть примерно 50-х годов рождения.

Тетя Лиля поразила мое воображение своей преданностью партии и своей интеллигентностью. Рассказывая о родителях-коммунистах, она бросила фразу: «А все-таки он были правы, когда посвятили жизнь делу пролетариата и бедноты. Вспомните хотя бы картину „Бурлаки на Волге“ Ильи Репина. Как тяжело жилось простому народу!». Мы дружно кивали – тут не поспоришь.

Потом вспоминаю еще один эпизод. Мы попросили включить телевизор и показать местную передачу с Невзоровым, что-то типа «60 секунд», о которой так много говорили местные жители. Передача оказалась о современном искусстве, и ведущий за минуту успел осмеять какую-то выставку. Пожилая дама, тетя Лиля, прокомментировала этот опус примерно так: нельзя критиковать то, чего не понимаешь! Я вот тоже не понимаю абстракционизма, но я никогда не скажу, что это – мазня. Может быть мое непонимание – моя проблема, а не проблема художника!

Браво, я до сих пор помню этот разговор и вывод интеллигентного человека, который никого не осуждает, даже если мнение оппонента не совпадает с его собственным. К сожалению, с того времени мы больше не виделись – началась перестройка со всеми последующими прелестями дикого капитализма – безработицей, выживанием и прочими проблемами, а потом было уже поздно.

Жестяников Изолит Григорьевич

Жестяников Изолит Григорьевич, 1904 года рождения, – двоюродный брат бабушки, проживавший в Ленинграде. С ним она практически не была знакома, но по поводу родства с ним и ее осведомленности в его деятельности ее упорно «раскручивали» на допросах. А обвинялся он, ни мало, ни много, в организации убийства Сергея Мироновича Кирова. Настоящий убийца, Николаев, был давно арестован, но сам факт смерти Кирова послужил поводом для того, чтобы расправиться с Троцкистско-Зиновьевском центром в Москве и Ленинграде.

На момент ареста Изолит Григорьевич служил заместителем командира 4-го артиллерийского полка по политической части Ленинградского военного округа в г. Красногвардейске. Из всех членов семьи он был арестован первым – 21 декабря 1934 года. Его обвиняли в подпольной антисоветской деятельности, принадлежности к «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группе Сафарова, Залуцкого и др.», а заодно «в терроризме, диверсионной и контрреволюционной деятельности». Всего из этой группы было без санкции прокурора арестовано 77 человек, из которых 65 состояло в партии и занимало должности в партийных, хозяйственных и советских органах. Никаких конкретных обвинений им не предъявлялось, но все были приговорены к разным срокам наказания – концлагерям и высылке.

Всего за 2,5 месяца после выстрела в Смольном в Ленинграде и области арестовали 843 человека, за весь 1935 год – 26515, а в последующие три года – еще 64248.

Изолит Григорьевич прямо упоминается в материалах дела по убийству С. М. Кирова. На следствии всех арестованных допрашивали о принадлежности к зиновьевской оппозиции и знакомстве с Л. В. Николаевым – убийцей С. М. Кирова.

Примерно 30 человек из них признали свою принадлежность к оппозиции и называли имена тех, с кем поддерживали отношения. В связях с Николаевым не признался никто. 25 человек, в том числе и Жестяников, признали свою принадлежность к зиновьевской оппозиции **в прошлом**, что до XV съезда партии (до 1927 года) к ней примыкали. Позже оппозиционной деятельностью не занимались и фракционной работы не проводили, хотя и имели отдельные случайные встречи с некоторыми зиновьевцами.

Остальные заявили, что ни в какую оппозиционную группу никогда не входили и даже не знали о ее существовании. Обвинительное заключение не выносилось, конкретных обвинений не предъявлялось, фактов преступной деятельности выявить не удалось. Как шутили в то время – «ни за что у нас 10 лет дают».

Принадлежность Жестяникова Изолита Григорьевича к контрреволюционной организации изобличалась показаниями Звездова и Ханика. Членство в организации Жестяников отрицал, но подтвердил знакомство с Хаником и показал, что слышал от него антипартийные разговоры.

Ханик Лев Осипович

Лев Осипович Ханик, украинец, родился, в 1902 году на хуторе Терновка Гайсенского уезда Подольской Губернии в семье рабочих. Служил в Красной армии во время Гражданской войны, потом был на комсомольской работе. С мая 1927 года по март 1928 работал в торгпредстве в Турции. В июле 1927 года был заочно исключен из партии за фракционную работу. 29 июля подал заявление о присоединении к письму Румянцева о подчинении решениям 15 съезда и снятии своей подписи от платформы ленинградской оппозиции.

Принимая во внимание отход Л. О. Ханика от оппозиции после его личного объяснения, парттройка ЦКК восстановила Ханика в партии с перерывом в стаже. Он окончил 2 курса ВТУЗа, работал инструктором по промышленности и транспорту в Кронштадтском РК ВКП (б).

Л. О. Ханик с 1918 года был членом ВЛКСМ, а с 1920 года – членом ВКП (б). Был арестован 8 декабря 1934 года в связи с убийством С. М. Кирова и обвинялся по статьям 58—8 и 58—11 в контрреволюционной террористической деятельности.

На допросе от 13 декабря 1934 по обвинению Николаева Л. В. и других в убийстве Кирова Л. О. Ханик показал, что действительно был членом «Ленинградской контрреволюционной организации, образовавшейся на базе бывшего троцкистско-зиновьевского блока» и что в 1933 году по инициативе Зиновьева был создан Всесоюзный центр организации.

На вопрос о его личной роли в организации Ханик ответил, что являлся руководителем отдельной группы «Боевого землячества». На вопрос, кто входил в эту группу, Ханин назвал 10 ее членов, и среди них Жестяникова Изолита.

В числе основных направлений деятельности группы Ханик назвал:

- борьбу с существующей политикой партии;*
- подрыв авторитета существующего партийного руководства и замены этого руководства лидерами нашей организации ЗИНОВЬЕВЫМ, КАМЕНЕВЫМ и другими;*
- борьбу с руководством партии (Сталиным, Молотовым, Кагановичем и Кировым).*

Убийство С. М. Кирова членом их организации Леонидом Николаевым находилось в русле этих установок. Ханик подтвердил участие в организации, но его осведомленность в подготовке убийства Кирова отрицал. Жестяников Изолит знакомство с Ханиным подтвердил, но принадлежность к его группе и к организации в целом отрицал. Он подтвердил, что слышал от Ханика антипартийные разговоры.

29 декабря 1934 года Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в Ленинграде Ханик приговорен к высшей мере наказания, приговор приведен в исполнение. Дело прекращено в 1990 году.

Изолит Григорьевич Особым совещанием при НКВД СССР был приговорен к 5 годам заключения в концлагере.

Дело было пересмотрено в судебном порядке в 50-60-х годах. Суд вынес решение о прекращении дела в связи с отсутствием состава преступления. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС восстановил в числе многих других и И. Г. Жестяникова.

Не был реабилитирован один человек, который сначала дал ложные обвинительные показания на 111 человек, а потом вел в лагере провокационную деятельность за поблажки и дополнительный паек. Несмотря на это его в 1942 году расстреляли «за антисоветскую троцкистскую террористическую деятельность». Фамилию его не называю, чтобы тень его предательства не легла на его потомков. Я далека от того, чтобы его оправдывать, но все же есть некоторые сомнения в том, как бы мы повели себя на его месте. На месте каждого из них. И все же есть надежда, ведь 76 из 77 арестованных вели себя достойно.

Материалы взяты из открытых источников фонда Александра Яковлева.

Судьба Изолита Григорьевича Жестяникова сыграла свою роль в судьбах всех родственников. Известно, что из партии был исключен его брат, Жестяников Давид Григорьевич. Он был снят с должности заведующего райвнуторга Валдайского района. На партийном собрании ему задавали вопрос, как он, коммунист с 33-летним стажем, не разоблачил своих братьев?

От товарищей по партии он получил решение: «за связь с врагами народа и за сокрытие от парторганизации, что его братья исключены из партии и репрессированы, из рядов партии исключить». После исключения из партии беды нарастали лавинообразно, но нам известно только о снятии Жестяникова Давида Григорьевича с должности. Что было потом, история умалчивает, хотя могло быть все, что угодно, начиная от концлагеря и заканчивая расстрелом. Надеюсь, что жизнь его пощадила.

Уроки истории

Когда-то мои ровесники учились в советское время, когда преподавание велось куда более основательно, чем теперь, но, тем не менее, мы многого не знаем или понимаем так, как оно преподавалось тогда. Для нас Троцкий – враг, который был убит за границей ледорубом, чтобы не вредить стране.

Рокоссовский – герой Отечественной войны и Маршал Победы; Блюхер – лихой кавалерист времен Гражданской; Киров – соперник Сталина, убитый в Смольном; а Вавилов – ботаник, видный ученый, государственный деятель, репрессированный Берией.

Еще меньше мы знаем о народных комиссарах тех лет – Ягоде, Ежове и Берии. Наша память удерживает только стереотипы. Своего мнения у нас нет ни по одному из вопросов.

И вот, собирая материал, я с удивлением узнала:

- что Троцкий был по многим вопросам прав, и думающие люди не могли не сомневаться в его правоте по ряду установок, а именно это ставилось в вину моим родным;

- что Вавилов был не только гениальным ученым и выдающимся организатором, но и очень порядочным человеком, который спас от репрессий десятки человек, а сам пострадал;

- что Рокоссовский и Блюхер были арестованы почти одновременно, но их ждали совсем разные судьбы;

- что мы зря ставим знак равенства между Ягодой, Ежовым и Берией, ошибочно приписывая Берии массовые злодеяния, хотя он был сильным хозяйственником, видным организатором, а репрессии при нем пошли на спад;

- что Сергей Миронович Киров вовсе не был соперником Сталина, а тайна его убийства до сих пор до конца не раскрыта.

Кроме этих известных исторических личностей на судьбы моих родных повлияло дело Наркома почт и телеграфов И. Н. Смирнова, с которым была знакома моя бабушка и знакомство с которым ставили ей в вину.

Ленинградским и Нижегородским менее известным троцкистам будут посвящены отдельные главы по ходу партийных и следственных мероприятий.

Все эти люди сыграли свою драматическую роль в судьбах моих близких, поэтому о них многое нужно сказать для понимания происходящих тогда событий.

Из исторических страниц особенно важными для понимания являются те, которые описывают события, связанные с троцкизмом – течением внутри партии РСДРП (б). Те, кто считает себя знатоком истории, могут эти главы опустить. Но не думаю, что среди моих читателей много таких знатоков.

Троцкизм

Троцкий Лев Давидович, урожденный Бронштейн Лев Давидович, по документам Седов Лев Давидович сейчас вспоминается лишь как основатель одного из течений марксизма. Некоторые еще знают, что погиб он в 1940 году в Мексике, в городке Кайоакане от удара ледорубом, который ему нанес сотрудник НКВД.

Реально Троцкий в 20-е годы был вторым человеком в партии РСДРП (б), наиболее вероятным приемником Ленина, крупным теоретиком марксизма, революционером, активным участником международного коммунистического движения, видным военным и политическим деятелем.

На его счету – неоднократные ссылки и побеги, участие в различных блоках и партиях, но с 1917 года и по 1927 год он входил в состав партии большевиков. После февральской революции вернулся из-за границы и стал одним из организаторов Октябрьской революции и создателей Красной армии и Коминтерна. Дважды занимал должность председателя Петросовета, много лет был членом Политбюро ЦК ВКП (б), ВЦИК и ЦК. Был наркомом иностранных дел, а затем – наркомом военных и морских дел, занимал должность председателя Реввоенсовета.

С 1923 года возглавил левую оппозицию в партии («Новый курс»), которая противостояла политическому курсу Сталина. В 1927 году снят со всех постов, отправлен в ссылку, через 2 года выслан из страны, в 1932 году лишен советского гражданства. В эмиграции он продолжал дело своей жизни – писал книги о революционном движении, создал Четвертый интер-

национал и был его главным теоретиком. В августе 1940 года был смертельно ранен агентом НКВД Рамоном и скончался на следующий день после ранения.

Чем же так насолил Троцкий Сталину, что агент нашел его на другом конце мира, а его последователей или якобы сторонников по всей стране арестовывали тысячами?

Чтобы в этом разобраться, нужно понять, как он зарабатывал свой авторитет во времена революции и гражданской войны. Троцкий был пламенным оратором, благодаря чему ему удалось уговорить целые воинские части перейти на сторону революции.

Даже Сталин поначалу признавал, что Троцкий был одним из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции. Но на этом его заслуги перед партией и страной не заканчиваются. Под его руководством происходило становление Красной армии, а ее победы во многом зависели от деятельности Троцкого во главе РККА.

Первые расхождения с Лениным произошли по вопросу подписания позорного Брестского мира на условиях Германии. Троцкий был против, но Ленин пригрозил, что уйдет в отставку, и Троцкий не стал возражать, воздержавшись вместе со своими сторонниками при голосовании, что обеспечило большинство голосов Ленину.

Троцкий во время Гражданской войны постоянно посещал передовую, постоянно рисковал жизнью, носился по фронтам, вызывая симпатии солдат и раздражение своих подчиненных. Во время обороны Царицына Троцкий вошел в конфликт со Сталиным и Ворошиловым, который нарушал требования воинской и партийной дисциплины.

В дальнейшем ходе Гражданской войны Троцкий неоднократно спорил с руководством партии по поводу направления главного удара, назначений высших военных руководителей, отстранения командиров и назначения новых. В участии в заговоре был обвинен командующий Восточным фронтом И. И. Вацетис, на место которого был назначен С. С. Каменев. Вместе с Вацетисом из Реввоенсовета вывели также близких людей Троцкого – Смирнова, Розенгольца и Раскольникову, а вместо них ввели Гусева и Смиглу – сторонников Сталина.

В ответ Троцкий подал в отставку со всех значимых постов, попросив оставить его рядовым членом Реввоенсовета. Но в Кремле понимали, что отставка Троцкого насторожила бы партию и армию, для которой он оставался вождем революции и организатором Красной армии. Поэтому Ленин и Политбюро отказали Троцкому в отставке и заверили в полной поддержке и глубоком уважении, а Ленин в знак доверия выдал ему пустой бланк со своей подписью, на котором Троцкий мог написать любой приказ.

В результате побед Красной армии к моменту окончания Гражданской войны вокруг Троцкого был создан ореол вождя победоносной армии. За оборону Петрограда его удостоили ордена Красного знамени, его именем назвали бронепоезд, эсминец и город, переименовав Гатчину в Троцк.

После окончания Гражданской войны перед страной встали вопросы хозяйственного строительства. Троцкий выступил за милитаризацию экономики, которая должна использовать профсоюзы в качестве «приводных ремней». Он хотел перенести командные принципы военного времени в народное хозяйство. Во внутрипартийной дискуссии о профсоюзах, которая проходила в 1920—1921 годах, ему противостояли многие враждебно настроенные партийцы во главе с Зиновьевым и Сталиным, которые еще во время войны затаили на него злобу из-за его жестких методов руководства.

В 1922 году по вопросам деятельности Рабкрин и национальной политики снова стали союзниками Ленин и Троцкий. Сталин с близкими людьми стояли за автономизацию национальных республик, а Ленин и Троцкий выступали за их союзный статус, но состояние здоровья Ленина вынудило его уйти от политической жизни. Внутри партии, к тому времени РКП (б), началась борьба за власть.

В 1922 году после первого инсульта Ленина в ЦК сформировалась «тройка» из Сталина, Зиновьева и Каменева для борьбы с Троцким, как наиболее вероятным приемником Ленина.

По инициативе Зиновьева и Каменева была создана должность Генерального секретаря ЦК РКП (б), которая рассматривалась как техническая. Когда Ленин после первого инсульта снова приступил к работе, он был поражен: Сталин создал массу новых технических должностей и служб, которые сам и возглавлял. Главой государства в то время был Председатель Совнаркома, а одним из его заместителей был избран Троцкий.

В конце 1922 года у Ленина произошел второй инсульт, и стало понятно, что ему осталось жить недолго. Однако в январе 1923 года Ленин в Горках написал программную статью «Как нам реорганизовать Рабкрин», чтобы противопоставить этот орган усиливающейся бюрократии. А тем временем усиливалось влияние Сталина и его «технического аппарата». Сталин постоянно навещал Ленина, соглашаясь со всеми его доводами и исполняя роль порученца. Формально он выполнял указания Ленина, но всегда с изменениями, которые он вносил в них лично.

В марте 1923 года Ленина настигает третий инсульт, после которого он уже не в силах вернуться к работе, успев, впрочем, инициировать переход к НЭП – новой экономической политике.

Секретариат ЦК, руководимый Сталиным, укрепляет свою власть, применяя вместо «выборности» секретарей нижестоящих парткомов их «рекомендации», что практически соответствовало назначению. В функции учетно-распределительного отдела секретариата ЦК с 1923 года вошли так же назначения на все государственные должности.

В июле 1923 года «тройка» инициирует проверку положения дел в армии. В комиссию вошли сторонники Сталина, которые вынесли вердикт: армия развалена, а Троцкий не уделяет достаточного внимания работе Реввоенсовета. Осенью 1923 года в состав Реввоенсовета вводятся сторонники «Тройки». Троцкий, понимая, что все эти действия направлены против него лично, просит ЦК освободить его от всех должностей и отправить его простым солдатом в помощь назревающей германской революции. Издеваясь, Зиновьев просит и его отправить простым «солдатом революции». Сталин просит ЦК «не рисковать двумя драгоценными жизнями своих любимых вождей». Троцкий покидает заседание Пленума ЦК и возвращаться отказывается, несмотря на посланную Сталиным делегацию.

В октябре 1923 года Троцкий пишет письмо в ЦК по хозяйственным вопросам о назревающем хозяйственном кризисе. Положение в партии он называет «секретарской иерархией» и засильем «партийной бюрократии». 46 старых партийцев, сторонников Троцкого, подают в ЦК заявление. В ответ Политбюро обвиняет Троцкого в организации фракционной деятельности.

В конце декабря 1923 года Троцкий выступает с первой статьей из серии «Новый курс», в которой резко выступает против бюрократизации партии. Он находит поддержку среди учащейся молодежи.

Именно с этим связаны колебания моей бабушки в правильности линии партии в отношении бюрократизации и отрицания свободы фракционной деятельности. Бабушка Роза просто колебалась, но всегда голосовала за линию ЦК, а дедушка однажды на каком-то собрании проголосовал за резолюцию Троцкого. Бабушка училась в то время в МГУ, а дедушка – в Коммунистическом университете им. Свердлова.

«Тройка» постепенно оттесняет Троцкого от командования армией, заменяя командующих округами на своих сторонников. XIII партконференция от 16 января 1924 году обвиняет Троцкого в организации фракционной деятельности, а «троцкизм» определяет как «мелкобуржуазный уклон». Эта же конференция выносит запрет на прием в партию «лиц непролетарского происхождения», объявив массовый набор рабочих «от станка». Партия превращается из элитарной в массовую.

21 января скончался Ленин. Троцкий постепенно утрачивает контроль над армией, в которой на основные посты назначаются сторонники Сталина. На первом после смерти

Ленина XIII съезде РКП (б), Рыков, выбранный на пост Председателя Совнаркома как фигура нейтральная и управляемая, выступает с обвинениями против Троцкого, приравняв нападки на аппарат к нападкам на саму партию, и резко критикует призыв Троцкого равняться на молодежь.

На съезде с политическим докладом выступил Зиновьев, что раньше делал только Ленин. Этим выступлением он обозначил свою претензию на лидерство и резко осудил «троцкизм», потребовав от Троцкого признать свои ошибки. Троцкий повел себя, как настоящий еврей из анекдотов: признал правоту большинства ЦК, но от ошибок не отказался. Сталин, опасаясь амбиций Зиновьева, занимает выжидательную позицию и лавирует между Троцким и Зиновьевым, даже запретив арест Троцкого как предположительного организатора военного переворота и выступая против его исключения из партии.

Внутри «тройки» усиливается борьба за власть. Сталин обрушивается с критикой на Зиновьева. Троцкий ведет себя пассивно, но, почувствовав раскол в партии, он начинает наступление, опубликовав статью «Уроки Октября», в которой напоминает, что Зиновьев и Каменев были против Октябрьского выступления, а Сталин вообще в революции не участвовал. Дальше началась война компроматов, в которой со стороны Сталина Троцкому припомнились все его разногласия с Лениным, а его роль в Октябрьской революции и Гражданской войне сильно приуменьшалась. «Тройка» снова объединилась в борьбе против общего врага. На Пленуме ЦК в январе 1925 года Каменев и Зиновьев требуют исключения Троцкого из партии, но Сталин предлагает оставить его в партии и в ЦК, сняв его с должности наркома военных и морских дел и с должности председателя Реввоенсовета. Во главе армии ставится Фрунзе, а ему в заместители назначается Ворошилов. Троцкого отправляют на хозяйственную работу, назначив его на ряд второстепенных должностей.

Расправившись с общим врагом, «тройка» распадается на оппозицию в лице Зиновьева и Каменева, которые расходятся с доктриной Сталина о возможности «построения социализма в отдельно взятой стране». Изначально и Ленин, и Троцкий, и Зиновьев, и Каменев были сторонниками мировой революции. Сталин, решив стать идеологом социализма, пересмотрел свои взгляды и выступил против теории Троцкого о распространении революции на запад или против теории «перманентной революции», которая была в русле учения Энгельса.

Зиновьев тоже стал претендовать на место идеолога и объявил троцкизм мелкобуржуазным и враждебным ленинизму течением социал-фашизма, которым он заклеил европейскую социал-демократию.

На эту тему написал две брошюры Лев Вульфович Жестяников, брат моей бабушки, который попал под горячую руку обличителей социал-демократии и был тоже обвинен в троцкизме.

Зиновьев объявил на XIV съезде РКП (б) в декабре 1925 года, что Сталинская доктрина о построении социализма в одной стране «отдаёт душком национальной ограниченности». Накануне съезда сформировалась «платформа четырех» – к Зиновьеву и Каменеву примкнули Крупская и Сокольников.

Сталина раздражала активность Зиновьева, но он уже набирал силу, расставив на все должности губернских секретарей парткомов своих сторонников, которые, в свою очередь, расставляли на ключевые посты своих сторонников. Зиновьев тоже расставлял своих сторонников в Коминтерне и Петрограде. Каменев от борьбы самоустранился, удовлетворившись «сидением на Москве».

Сталин отступать не намеревался, умело стравливая московскую парторганизацию с петроградской и украинской. Полный разгром постиг оппозицию на XIV Съезде ВКП (б), в результате чего Зиновьев потерял посты в Коминтерне и Ленсовете, а Каменев – пост главы Москвы.

Троцкий в это время работает на технократических должностях и наблюдает за крахом оппозиции. Он не занимается политической деятельностью, но выступает в «Правде»

с серией статей, в которых вместе со своими сторонниками выдвигает идеологическую доктрину «сверхиндустриализации» за счет деревни. Троцкий предлагает в первую очередь развивать военную и тяжелую промышленность – производство средств производства. В этом его взгляды переплетаются с платформой Зиновьева-Каменева. Это дает им возможность совместно обрушиться на Сталина.

Для борьбы с ними Сталин привлекает правый блок – Бухарина, Рыкова и Томского. Бухарин выдвигает идеологический противовес – доктрину «врастания крестьянина в социализм», обвинив Троцкого в ограблении деревни.

К середине 1926 года сторонники Троцкого и последователи Зиновьева-Каменева объединяются в оппозиционный «троцкистско-зиновьевский» блок. Со стороны Троцкого в нее входят:

- Иоффе А. А.,
- Антонов-Овсеенко В. А.,
- Преображенский Е. А.,
- Крестинский Н. Н.,
- Радек К. Б.,
- Белобородов А. Г.,
- Смилга И. Т. И др.

Со стороны Зиновьева:

- Сокольников Г. Я.,
- Лашевич.

К оппозиции присоединилась Н. К. Крупская и А. Г. Шляпников – участник разгромленной рабочей оппозиции.

Не имея реальной политической власти, оппозиционеры переносят борьбу со Сталиным в область идеологии. Ему ставят в вину:

- «бюрократическое перерождение партии»,
- «движение к термидору»,
- нежелание проводить «сверхиндустриализацию»,
- саботаж строительства «международной системы социализма».

Термин «термидор» возник от названия месяца подавления французской революции. Оппозиционеры называли этим термином любой контрреволюционный переворот. Троцкий этот термин в последствие (в своей книге «Преданная революция») разъяснил как «обюрокращивание коммунистической партии и отчуждение народных масс от управления государством в условиях сталинизма».

Сталин не зря допустил «шумиху с оппозицией» – ему нужно было выявить всех скрытых врагов. Он пускает в ход все обвинения, которые Зиновьев и Троцкий выдвигали друг против друга, будучи врагами. Крупская на XIV Съезде ВКП (б) пыталась призвать к демократизму в партии, но получила резкую отповедь Сталина. Троцкому все чаще ставят в упрек его национальность – он, дескать, не верит в силу русского народа. Сталин якобы заступается за Троцкого: «Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры». Сталин борется с «левыми» силой правой оппозиции Бухарина, позиционируя себя как центриста.

На блок Троцкого-Зиновьева организуются «наезды» от рядовых членов партии, которые срывают собрания, на которых выступала оппозиция.

В июле Троцкий выдвигает «тезис Клемансо», названный в честь Жоржа Клемансо, пришедшего к власти на волне французской революции, который за жесткость характера и неприимчивость к политическим противникам получил прозвище Тигр. «Тезис Клемансо» стал поводом для чистки оппозиции в партии.

Тезис Троцкий сформулировал в 1927 году, когда обратился к сторонникам Сталина, назвав их группой бездарных бюрократов. Он предположил, что в случае войны они будут совершенно бессильны организовать оборону страны, а когда враг будет в 100 километрах от Москвы, оппозиция свергнет правительство и расстреляет эту группу бездарных бюрократов. Этим его намерения пошли дальше, чем деятельность захватившего власть Клемансо. «Вы тоже хотели бы расстрелять нас, но вы не смеее. А мы посмеем, так как это будет совершенно необходимым условием победы».

Не удивительно, что, готовясь к большой войне, Сталин уничтожил оппозицию. Возможно, что Сталин был прав, хотя и жесток безмерно. Еще не хватало, чтобы в 1941 году состоялся правительственный переворот на радость Гитлеру! Но, возможно, Троцкий сделал свое заявление в полемическом задоре, вовсе не собираясь прибегать к расстрелам. Этого мы уже никогда не узнаем.

Сталин на Пленуме от 1 августа 1927 года охарактеризовал «тезис Клемансо» как стремление «захватить власть повстанческим путем в случае войны». Пленум объявляет Зиновьеву и Троцкому по строгому выговору. К ноябрю 1927 года из партии было исключено около 600 оппозиционеров. Троцкистско-зиновьевский блок организует подпольную типографию для печати нелегальной литературы. Сталинские сторонники срывают любую попытку проведения массовых выступлений оппозиции.

За организацию подпольной типографии и попытку организации нелегальной манифестации в октябре 1927 года, в ноябре Троцкого и Зиновьева исключают из партии, а Троцкого еще и из общества старых большевиков.

В январе 1928 года Троцкий был силой выдворен в Алма-Ату, а его немногочисленные сторонники высланы в разные концы страны. В ссылке Троцкий работал над своими мемуарами, переписывался со своими сторонниками, вырабатывал новый курс большевиков-ленинцев. Сталин передал ему ультиматум о прекращении контрреволюционной деятельности, но Троцкий его отверг. В результате Политбюро 7 января 1929 года вынесло решение выслать за антисоветскую деятельность Троцкого из СССР.

Но и за границей Троцкий продолжал оппозиционерскую деятельность. Сначала в Берлине, а потом и в Париже он организовал издание «Бюллетеня оппозиции», в котором печатались статьи о положении в партии большевиков, о причинах поражения левой оппозиции, об оценке происходящих в СССР событий. В 1930 году в США и Великобритании вышли мемуары Троцкого «Моя жизнь». Позже они публиковались в Чехословакии, Франции, Испании, Китае, африканских странах, Германии и Латинской Америке. В прессе разных стран печатались статьи Троцкого с оценкой деятельности Сталина и общественно-политической обстановки в СССР. В ответ на развернутую в стране кампанию против троцкизма Троцкий написал фундаментальный исторический двухтомник «История русской революции». В 1932 году Троцкого лишили советского гражданства.

В это время внимание Троцкого привлекло положение в Германии, где набирала силу Национал-социалистическая партия, возглавляемая Адольфом Гитлером. Троцкий считал, что ее власть чревата новой мировой войной. От того, как пойдет развитие германского кризиса, будет на много лет зависеть судьба Европы и всего мира. Он призывал к союзу с социал-демократически мыслящими рабочими, отдельными людьми к борьбе с национал-социалистами, к созданию нового, альтернативного коммунистического движения.

Приход нацистов к власти в 1933 году Троцкий считал самым тяжелым поражением рабочего класса Германии. Он сформулировал 11 пунктов, которые легли в основу троцкистского движения:

- Независимость пролетарской партии и отрицание рабоче-крестьянских партий.
- Признание перманентного, интернационального характера революции и отрицание теории построения социализма в одной стране.

- Признание Советского союза рабочим государством, несмотря на растущую дегенерацию бюрократического режима.
- Необходимость защиты СССР от империализма и международной контрреволюции.
- Осуждение сталинской фракции за экономический оппортунизм 1923—1928 годов и ее экономический авантюризм 1928—1932 годов.
- Необходимость работы коммунистов в массовых организациях (профсоюзах) без превращения их в особые «красные» профсоюзы.
- Признание диктатуры пролетариата и отрицание диктатуры пролетариата и крестьянства.
- Необходимость мобилизовать массы с помощью переходных лозунгов, призывающих на борьбу с феодализмом, национальным угнетением и империалистической диктатурой.
- Необходимость развивать политику единого фронта массовых экономических и политических организаций рабочих.
- Осуждение политики национал-фашизма, которая служит не делу коммунизма, а фашизму и социал-демократии.
- Признание внутрипартийной демократии необходимой не на словах, а на деле.

Летом 1933 года Троцкий опубликовал статью «немецкие перспективы», в которой дал оценку ситуации в Германии, написав, что в ней не назревает пролетарская революция, а углубляется фашистская контрреволюция.

В течение всего периода эмиграции Троцкий оставался крупным теоретиком международного коммунистического движения, из-за чего его побаивались правительства разных стран. Был период, когда он жил во Франции, и его хотели оттуда депортировать, но ни одна страна его не принимала, и он жил во Франции под постоянным надзором полиции, пока в 1935 году в Норвегии не победила на выборах Рабочая партия, которая сочла возможным предоставить ему политическое убежище.

Но всю жизнь Троцкого интересовало не только международное рабочее движение, но и происходящее в СССР. В августе 1936 года, накануне начала Первого московского процесса по делу троцкистов, он закончил книгу «Преданная революция: Что такое СССР и куда он идёт?». В ней он пытался найти ответы на вопросы:

- существует ли в СССР социалистическое общество;
- существует ли в СССР риск реставрации капитализма.

Обвиняя Сталина в «бонапартизме», Троцкий проводил параллели между Советским союзом и нацистской Германией. Особое внимание в книге было уделено усиливающейся бюрократии, которая связала по рукам и ногам пролетарский авангард. Троцкий анализировал и причины хозяйственного отставания страны от экономики западных государств.

Рисуя будущее Советского союза, Троцкий предостерегал, что возможно перерождение советской бюрократии в новый имущий класс, который экспроприирует государство и станет новыми собственниками – «акционерами трестов и концернов».

В конце книги Троцкий призвал к новой революции в Советском союзе против «бюрократического абсолютизма» и к созданию политической многопартийной системы. Однако он допускал множество партий только коммунистического и социалистического толка, например, таких партий, которые из большевистских фракций превратились в самостоятельные партии.

Несмотря на резкую критику, Троцкий считал СССР рабочим государством и призывал своих сторонников и пролетарский авангард всего мира защищать его от любых внешних посягательств.

Условия пребывания в Норвегии запрещали там издавать свои книги и публиковать статьи. Пользуясь нападением на его дом норвежских экстремистов, Троцкий подал в суд и воспользовался возможностью публично выступить с осуждением московского судебного процесса по делу троцкистов. СССР передал две ноты правительству Норвегии против пребывания

там Троцкого. Советский союз требовал высылки его за пределы страны под угрозой прекращения закупки норвежской сельди.

В результате Троцкий сначала был изолирован в деревушке Хурум под домашним арестом, а все его произведения были конфискованы. В конце 1936 года его согласилась принять Мексика, в которой президентом был выбран социалист Ласаро Карденас. Туда он прибыл в январе 1937 года. У Мексики тогда не было дипломатических отношений с СССР, что затрудняло на нее давление со стороны страны Советов.

Положительной для Троцкого стороной пребывания в Мексике была близость к США, пролетариат которых активно участвовал в Четвертом Интернационале, созданном Троцким. В США публиковались его статьи, на гонорары от которых он жил, оттуда же поступали пожертвования от его сторонников и назначались добровольцы для его охраны.

Несмотря на пожертвования и гонорары, материальное положение Троцкого оставляло желать лучшего. Он начал распродавать свои архивы, чтобы уберечь их от агентов Сталина и чтобы немного улучшить свое скромное существование. Троцкому пришлось вспомнить свое деревенское детство в семье крупного земледельца Давида Бронштейна. Он разводил кроликов и кур, в чем весьма преуспел, по словам его жены.

Весной 1937 года американским комитетом в защиту Троцкого была создана международная Комиссия по расследованию обвинений Троцкого и его сторонников в ходе Московских судебных процессов по делу оппозиции. Комиссия признала, что обвинения были сфальсифицированы. В 422-страничном вердикте «не виновен» комиссия пришла к выводу, что Троцкий не вступал ни в какие соглашения с иностранными державами, никогда не рекомендовал, не планировал и не пытался восстановить капитализм в СССР.

Пытаясь спасти жизни своих сторонников и последователей Бухарина, в июне 1937 года Троцкий направил во ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет) телеграмму, в которой предостерегал, что «политика Сталина приведет к окончательному как внутреннему, так и внешнему поражению». Спасение он видел в «повороте в сторону демократии, начиная с открытия последних судебных процессов». На этом пути он предлагал свою полную поддержку. Телеграмму передали Сталину, и он наложил резолюцию: «Шпионская рожа! Наглый шпион Гитлера!».

В последние годы Троцкий продолжал утверждать, что в СССР сохранились:

- коллективная собственность на средства производства;
- рабочий характер государства, несмотря на его дегенерацию.

Он полагал необходимой новую революцию в СССР, но не социальную, а политическую, с целью отстранения от власти Сталина с его окружением для возвращения к «ленинским нормам руководства».

В мае 1940 года произошло первое покушение на жизнь Троцкого, но от пуль ворвавшихся он, его жена и внук не пострадали, спрятавшись за кроватью. Акцию организовал тайный агент НКВД Григулевич, а главным исполнителем был мексиканский художник Сикейрос, убежденный сторонник Сталина.

20 августа 1940 года в кабинет Троцкого пришел агент НКВД Рамон Меркадер, который ранее вошел в окружение Троцкого как его сторонник. Троцкий сел читать принесенную Рамоном рукопись, а тот вынул из-под плаща ледоруб и нанес ему удар по голове. Рана 7-сантиметровой глубины оказалась смертельной, и Троцкий скончался от нее на следующий день. Похоронен он во дворе своего дома в местечке Койоакан.

В газете «Правда» был опубликован «некролог» «Смерть международного шпиона», в котором Троцкий обвинялся в многолетней «борьбе против дела рабочего класса и его авангарда – большевистской партии». Он объявлялся агентом иностранных разведок капиталистических стран и матерым контрреволюционером.

Власть Советского союза в причастности к убийству Л. Д. Троцкого не призналась, Рамон Меркадер отсидел в мексиканской тюрьме 20 лет, и после освобождения и приезда в СССР он был награжден орденом Ленина и получил звание Героя Советского Союза.

Троцкий никогда не был полностью реабилитирован советскими властями, но дважды, по запросу НИЦ «Мемориал» был реабилитирован по двум фактам: по поводу высылки в Сибирь в 1927 году на 3 года и по поводу высылки из СССР в 1929 году (с лишением гражданских прав и запретом на возвращение).

Тяжелая судьба была уготована и его последователям, и тем, кого в этом заподозрили. Среди них были и осужденные, и погибшие в застенках. Большинство из них были реабилитированы, некоторые посмертно.

Рокоссовский Константин Константинович

Рокоссовский – Маршал двух стран – Польши и Советского союза, всю жизнь посвятил армии, один из крупнейших военачальников Великой отечественной войны. Военную карьеру начал еще в Первую мировую войну, во время которой за храбрость был дважды награжден Георгиевскими крестами – высшими наградами за солдатскую доблесть и тремя Георгиевскими медалями.

Вместе с сослуживцем Адольфом Юшкевичем в декабре 1917 года вступил в Красную Армию. За время гражданской войны он прошел от командира эскадрона до командира сначала отдельного дивизиона, затем кавалерийского полка и дивизии. После Гражданской, в 1930 году, он командовал 7-й Самарской кавалерийской дивизией, в которой в качестве одного из командиров бригады служил Г. К. Жуков.

В 1935 году с введением персональных званий ему было присвоено звание комдива РККА. В 1936 году он командовал в Пскове 5-м кавалерийским корпусом.

Проблемы с компетентными органами начались у Рокоссовского в июне 1937 года после доноса комкора Грязнова, под которым подписался и корпусной комиссар Шестаков. В доносе на имя К. Е. Ворошилова Грязнов просил тщательно проверить Рокоссовского за связь с Чайковским и Горбуновым. В вину ему также ставился отец – поляк, социальное происхождение и тяга к зарубежной работе.

Ворошилов передал донос в компетентные органы, где и было возбуждено против Рокоссовского уголовное дело №25358—1937. До самого ареста в августе 1937 года следствие отрабатывало информацию доноса, пытаясь получить компромат у других подследственных, пересекавшихся с ним по службе.

Возможно, среди них был и мой дедушка, служивший с ним в Гражданскую в одной дивизии.

Рокоссовского обвинили по статье 58—1 «б» – измена Родине военным служащим (за связь с разведками Польши и Японии).

27 июля 1937 года комдива Рокоссовского исключили из партии «за потерю классовой бдительности» – за связь с комкором Чайковским К. А., на момент ареста – начальником Управления боевой подготовки РККА. Чайковский был арестован в марте 1937 года на военной даче во время прохождения лечения после инфаркта. Комкор умер в Читинской тюрьме почти через год после ареста.

Дальше пошли аресты по цепочке. Комкор Кутяков И. С., бывший член Военного совета при Наркоме обороны СССР, арестован 15 мая 1937 года вместе с большой группой командиров Красной армии. Был внесен в расстрельный список от 26 июля 1938 года, через 2 дня приговорен Военной Коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1956 году. Он на следствии дал показания на Рокоссовского, как и комкор 2-го ранга Великанов М. Д., который попал в тот же расстрельный список и был убит 29 июля 1938 года, но до расстрела успел дать показания на Рокоссовского. Великанов также был реабилитирован в 1956 году.

Начальник отдела разведки Забайкальского военного округа майор Рубэн Ю. Г. на допросе в январе 1938 года, сообщил, что Рокоссовский вместе с Чайковским входил в японскую резидентуру, возглавляемую Рубиновым. Факт шпионской деятельности он подтверждал встречами Рокоссовского в 1932 году в Харбине с Мититаро Комацубара, главой японской военной миссии.

И Шестаков, и Грязнов были арестованы. На допросе Шестаков добавил к своему доносу, что и Рокоссовский и Грязнов были членами троцкистской организации. Шестаков назвал еще 44 человека, утверждая, что участников контрреволюционного заговора значительно больше. Сам Шестаков был арестован в начале 1938 года, а расстрелян в августе. Не избежал этой участи и Грязнов.

Основные доказательства базировались на показаниях Адольфа Юшкевича, поляка, с которым он перешел в Красную армию и служил вместе в Гражданскую. По рассказу внука Рокоссовского, тот знал, что Юшкевич погиб еще в Гражданскую под Перекопом. Рокоссовский согласился все подписать после очной ставки с Юшкевичем. Найти того не смогли, так как он погиб много лет назад.

Правнучка Рокоссовского рассказала, что жена маршала Казакова сообщала, что во время пребывания в тюрьме Управления ГБ НКВД по Ленинградской области Рокоссовского жестоко избивали и пытали, выбили передние зубы, сломали три ребра, били молотком по пальцам ног и даже выводили на расстрел, но Рокоссовский никого не оговорил – ни себя, ни других.

В марте 1939 года состоялся суд Военной коллегии ВС СССР, но оказалось, что все свидетели, дававшие показания против Рокоссовского, уже мертвы. Дело было отправлено на исследование, но и повторный суд также был отложен. О дальнейшей судьбе маршала есть две версии: то ли его отправили в лагерь, то ли военным представителем в Испанию, где уже шла война с фашизмом, и где он служил под чужим именем.

Как бы то ни было в 1940 году маршалы С. К. Тимошенко, С. М. Будённый и Г. К. Жуков ходатайствовали перед Сталиным о прекращении дела Рокоссовского. 22 марта он был освобожден и реабилитирован. Дальнейшая судьба маршала хорошо известна. Весьма поучителен тот факт, что многие, дававшие друг на друга ложные показания под пытками, были расстреляны, а вынесший все Рокоссовский был, в конечном счете, освобожден.

Василий Константинович Блюхер

Сильна, колоритна и трагична фигура Василия Константиновича Блюхера. Он начал в Гражданскую с должности командира отряда, через несколько лет стал военным министром Дальневосточной республики и главнокомандующим народно-революционной армии ДНР, а к концу жизни стал маршалом Советского союза и видным партийным, государственным и политическим деятелем.

С осени 1936 года на Блюхера начали поступать «агентурные сведения», а попросту – доносы, о его якобы участии в заговоре и намерении Блюхера отделить от СССР Дальневосточную республику. Доносы поступили в сентябре 1936 года и в феврале 1937 года на имя Ежова.

Между тем Блюхер принимал участие в VIII Чрезвычайном съезде Советов и даже в начале июня 1937 года членом судебного заседания Верховного суда СССР по делу маршала М. Н. Тухачевского. За несколько дней до этого он навестил заболевшего члена ЦК ВКП (б), начальника Политического управления РККА, бывшего соратника Тухачевского и давнего знакомого Блюхера по Дальнему Востоку Я. Б. Гамарника, который после его ухода застрелился.

Если в июне 1937 года Сталин давал отличную оценку деятельности Блюхера в Дальневосточном округе, то после событий лета 1938 года на озере Хасан его мнение изменилось. Он считал, что Блюхер операцию провалил, хотя пограничным войскам удалось отстоять границу и разгромить японские части. Но заседанием Главного Военного Совета РККА результатам Хасанской операции была дана отрицательная оценка. Было вынесено решение, что Дальневосточный округ к войне плохо подготовлен, а действия Блюхера были признаны ошибочными, хотя он сделал все, чтобы боевые столкновения не перешли в масштабную войну.

В результате Управление Дальневосточного фронта расформировали, а Блюхера отстранили от должности. В сентябре Блюхер с семьей уехал в Сочи, где должен был отдыхать и лечиться с санатории «Бочаров ручей». Там его, его жену и брата арестовали в октябре 1938 года по ордеру, подписанному наркомом НКВД Ежовым. Блюхер был препровожден во внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке.

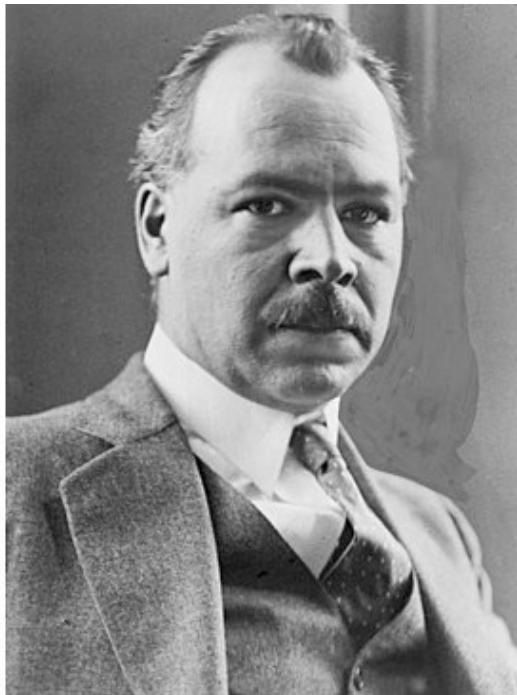
За 18 дней до своей смерти его допрашивали 21 раз, из них 7 допросов проводил заместитель наркома НКВД Лаврентий Берия. О том, что сделали на допросах с Блюхером, известно со слов узницы, сидевшей в одной камере с его второй женой, которая после очной ставки с мужем рассказала, что то был избит до неузнаваемости и выглядел так, будто побывал под танком. Он был почти невменяем и наговаривал на себя чудовищные вещи – об участии в военном заговоре, в антисоветской организации правых, в саботаже, пьянках на рабочем месте, в моральном разложении. Единственной правдой было то, что он любил выпить.

Против Блюхера давали показания близкие когда-то ему люди, в частности первая жена маршала. 8 ноября 1938 года сердце его остановилось. По данным тюремных врачей – из-за закупорки тромбом легочной артерии. Так это или нет, мы уже никогда не узнаем — 10 ноября тело Блюхера было кремировано.

Парадоксально, что уже после смерти, 10 марта 1939 года он был приговорен к смертной казни и лишен маршальского звания за шпионаж в пользу Японии, участие в военном заговоре и антисоветской организации. Реабилитирован Блюхер в 1955 году за отсутствием в его действиях состава преступления.

Семейная легенда гласит, что дедушку застрелили на допросе именно из-за отказа давать показания на Блюхера. Интересно, что мог знать командир батареи (видимо, артиллерист) о командире дивизии, кавалеристе, с которым они едва пересекались во время боев в Сибири, и, скорее всего, вообще не были знакомы? Конечно, можно было что-нибудь придумать... Можно, но нельзя! Порядочность оказалась сильнее, чем желание выжить любой ценой!

Вавилов Николай Иванович

Николай Иванович Вавилов – известный советский общественный и политический деятель, ученый ботаник, генетик, селекционер, химик, географ. Перечислять все его заслуги, должности и открытия здесь нет смысла. Желающие могут найти подробную статью в Википедии. Коротко скажем, что он был академиком и директором Всесоюзного института растениеводства (с 1930 по 1940 год, до момента его ареста).

О его научных заслугах известно, что он внес важный вклад в биологию:

- создал учение о мировых центрах происхождения культурных растений;
- обосновал учение об иммунитете растений;
- открыл закон гомологических рядов в наследственной изменчивости организмов;
- внёс существенный вклад в разработку учения о биологическом виде;
- под руководством Вавилова была создана крупнейшая в мире коллекция семян культурных растений;
- заложил основы системы государственных испытаний сортов полевых культур;
- сформулировал принципы деятельности главного научного центра страны по аграрным наукам;
- создал сеть научных учреждений в этой области.

Он работал в различных государственных органах, выезжал в научные экспедиции, но в данной работе мы это упоминаем, только для того, чтобы понять масштаб личности Вавилова и значение его многочисленных талантов для науки.

Но в данном случае нас интересует другая сторона его деятельности. В годы массовых репрессий, с 1933 по 1937 год Н. И. Вавилов «ходатайствовал об освобождении из тюремного заключения 44 учёных». **Такой шаг требовал громадного гражданского мужества. А скольких людей он спас втихую, без официальных ходатайств? Об этом история умалчивает, но мы точно знаем одну студентку – Жестяникову Лию Львовну.**

Начиная с 1934 года, на Вавилова уже началось гонение в результате доноса. Ему запретили выезд за границу, не выдвинули в состав ВЦИК и ЦИК СССР (куда он входил ранее),

освободили от должности президента ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина). Имя доносчиков известно, но в данном случае они не приводятся из этических соображений.

В 1940 году он был арестован и бездоказательно обвинен в связях с оппозицией и во вредительстве. В 1941 году он был осужден по статьям 58—1, 58—6, 58—11 (за вредительство, помощь буржуазным организациям, подготовка преступлений или недонесение об их подготовке).

Н. И. Вавилова приговорили к расстрелу, в июне 1942 года расстрел заменен 20-летним заключением в исправительно-трудовых лагерях. В лагерь он так и не попал, так как умер в Саратовской тюрьме в 1943 году от болезней, вызванных пытками и беспредельным истощением. На следствии, в результате применения незаконных методов, Вавилов признал себя частично виновным, в том числе, в участии в «Трудовой крестьянской партии» и «антисоветской организации правых», которые никогда не существовали, и даже называл некоторых ее членов.

После вынесения приговора Н. И. Вавилов написал заявление на имя Л. П. Берии, в котором отказывался от своих показаний и заявлял что «никогда не занимался контрреволюционной деятельностью». Комиссия по реабилитации пришла к выводу, что все документы по делу Вавилова, как и само дело, были полностью сфабрикованы. Н. И. Вавилов был реабилитирован в 1955 году.

Смирнов Иван Никитич

Смирнов Иван Никитич – российский революционер, советский политический деятель, один из лидеровлевой оппозиции.

Смирнов родился в 1881 году в Рязанской губернии в семье крестьян. Он окончил в Москве городское училище и в 1899 году стал членом РСДРП, а в 1903 году – членом партии большевиков. За нелегальную подпольную работу в разных городах России его 7 раз арестовывали, он 6 лет провел в тюрьмах и 4 года – в ссылках.

В 1917 году Смирнов участвовал в организации совета солдатских депутатов Томского гарнизона. Во время Гражданской войны был членом Реввоенсоветов республики, был фактическим руководителем Сибирского бюро ЦК РКП (б), руководил большевистским подпольем Урала и Сибири, считался организатором разгрома Колчака.

С августа 1919 года по сентябрь 1920 руководил Сибревкомом и даже получил неофициальную кличку «Сибирского Ленина».

С августа 1920 года моя бабушка, Жестяникова Роза Вульфовна, работала в Омске, в Сиббюро ЦК РКП (б) управляющей делами. Она знала Смирнова шапочно, встречала его иногда по работе. Это знакомство стало компрометирующим материалом в деле ее обвинения, но доказать, что между ними была контрреволюционная связь, следствие не смогло, так как к моменту ее ареста Смирнов был уже несколько месяцев назад расстрелян, как и его товарищи по оппозиции.

Современники, знавшие Смирнова в те времена, вспоминают его как человека честного, выдержанного, бесстрашного, мужественного и очень спокойного. С апреля 1920 года, после IX съезда Смирнов стал членом ЦК РКП (б). Этому не помешало даже то, что он с 1919 года состоял в Центральном организационном бюро Меньшинства партии социалистов-революционеров.

На следующем, X съезде, его вывели из состава ЦК за поддержку Троцкого по вопросу о профсоюзах. Смирнов был предложен в кандидаты в члены ЦК, но было много недовольных, что он не вошел в ЦК: 123 делегата из 479 сами вписали его фамилию в бюллетень в качестве члена ЦК. Ничего подобного не было в истории партии ни до, ни после этого.

Смирнов после съезда занимался партийной и хозяйственной работой, а в 1923 году был назначен Наркомом почт и телеграфов.

Не знаю, кто был прав – Википедия или Жестяникова, которая на допросе показывала, что, когда она приехала в Москву в 1922 году поступать в МГУ, Смирнов помог ей устроиться в общежитие почтового ведомства. Возможно, Смирнов уже работал там, но еще не занимал должность Наркома. Хотя в ряде материалов упоминается, что в то время он занимал должность Наркома восточной промышленности, поэтому он вполне мог устроить бабушку в общежитие.

С 1923 года Смирнов И. Н. примкнул к левой оппозиции РКП (б) и стал одним из ее лидеров. Под левой оппозицией в 1920-е годы понималась совокупность различных оппозиционных групп. В ее состав в разное время входили Лев Троцкий, Евгений Преображенский, Тимофей Сапронов, Карл Радек, Леонид Серебряков, Иван Смирнов, Христиан Раковский, Лев Сосновский, Александр Воронский, недолгое время – Григорий Зиновьев, Лев Каменев, Надежда Крупская.

15 октября 1923 года 46 видных партийных и советских работников, в том числе, И. Н. Смирнов, подписали обращение в ЦК РКП (б), известное как «Заявление 46-ти».

В Заявлении говорилось об установлении в партии режима фракционной диктатуры, о подавлении инакомыслия ради сохранения единства партии и о том, что самонадеянные узурпаторы не могут, как это доказал кризис, «свести концы с концами в экономической области». Октябрьский пленум ЦК и ЦКК РКП (б), однако, осудил это выступление.

Тем не менее, 5 декабря 1923 года общее собрание Политбюро ЦК и Президиума ЦК приняло компромиссную резолюцию «О партстроительстве», которая включала многие положения «Заявления 46-ти» и предшествовавшего ему письма Троцкого. В резолюции признавалась необходимость установления режима рабочей демократии, под которым понималась свобода открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни, а также выборность должностных лиц и коллегий снизу доверху».

Учившиеся в то время в Москве бабушка и дедушка не могли не принять участия в дискуссии, которая широко развернулась в стране. На партсобраниях принимались резолюции – в поддержку ЦК или против. Бабушка сомневалась, но голосовала за линию ЦК, а дедушка раз или несколько раз проголосовал за резолюцию левых. Около трети участвовавших в дискуссии высказалось против, но эту статистику приводили сторонники ЦК, поэтому трудно подвести точный итог.

В январе 1924 года состоялась XIII партийная конференция, осудившая взгляды членов левой оппозиции. Их обвинили во фракционности и нарушении резолюции X съезда РКП (б) «О единстве партии», а также в «меньшевистском уклоне».

За участие в оппозиции в декабре 1927 года, на XV съезде ВКП (б), Смирнова, в числе 75 активных троцкистов, исключили из партии, а в начале 1928 года по 58-й статье за контрреволюционную деятельность приговорили к 3 годам ссылки в Закавказье. Репрессивная машина еще только набирала обороты, и приговоры были мягкими.

Смирнов не желал менять свои взгляды и капитулировать перед правящей фракцией, но пришел к выводу, что со сталинизмом можно бороться только изнутри. Поэтому он написал заявление о разрыве с оппозицией, после чего был возвращён в Москву и восстановлен в партии. Его назначили управляющим трестом «Саратовкомбайнстрой», а с 1932 года – начальником Управления новостроек Наркомата тяжёлой промышленности СССР.

«Капитулянты» не отказались от борьбы. В 1931 году Иван Никитич Смирнов возглавил подпольную организацию, в которую вошли многие известные «капитулянты»: Е. А. Преображенский, И. Т. Смилга, С. В. Мрачковский, В. А. Тер-Ваганян и др. В том же году, в июле, оказавшись в командировке в Берлине, Смирнов восстановил связь с Л. Д. Троцким, которую по возвращении в СССР поддерживал с помощью тайных оппозиционеров, выезжавших за рубеж по долгу службы.

В 1932 году Смирнов даже прислал для «Бюллетеня оппозиции» статью «Хозяйственное положение Советского союза», в которой впервые были показаны размах забоя скота во время коллективизации, серьёзные диспропорции в промышленности, последствия инфляции для всей экономики и т. д.». В заключение И. Смирнов писал: «Вследствие неспособности нынешнего руководства выбраться из хозяйственно-политического тупика, в партии растёт убеждение в необходимости смены партруководства». Таким выводом Смирнов подписал себе смертный приговор.

В конце 1932 года, благодаря доносу, ОГПУ вышло и на подпольную организацию И. Н. Смирнова. О том, по каким вопросам «смирновцы» расходились с генеральной линией партии, в 1936 году на допросе рассказал Е. А. Преображенский:

– они были против взятых темпов коллективизации, против дискредитации середняцких хозяйств, против жестокости по отношению к кулакам: в результате такой политики возникли проблемы с продовольствием;

– «смирновцы» осуждали нереальные темпы индустриализации, в результате которых срывались планы капиталовложений, сроки строек, рабочие работали на износ, а их материальное положение ухудшалось;

– их не устраивало отсутствие внутрипартийной демократии, из-за чего невозможно было обсуждение важных для страны вопросов;

– они чувствовали идеологический застой и критиковали политику партии в Коминтерне, в частности по вопросу участия компартии в борьбе с фашизмом в Германии.

Из этих постулатов следовал неизменный вывод о необходимости борьбы с политикой ЦК и руководством партии.

В начале 1933 года по делу о «контрреволюционной троцкистской группе Смирнова И. Н., Тер-Ваганяна В. А., Преображенского Е. А. и других» было арестовано 89 человек. У них была изъята троцкистская литература и переписка со ссыльными троцкистами.

На следствии Смирнов принадлежность к подпольной оппозиции отрицал и признался лишь в том, что имеет сомнения относительно «колхозного строительства, проводимого партией», и что делился своими сомнениями в узком кругу товарищей.

Про сомнения и узкий круг товарищей мы еще услышим в заявлении Жестяниковой в Партком ИМЛ и во время допросов, когда ее пытались выставить активной троцкисткой.

«Смирновцы» были приговорены к разным срокам заключения, а некоторых даже после покаяния Сталин временно простил (до 1936 года). Смирнова приговорили к 5 годам лишения свободы, которые он отбывал Суздальской тюрьме особого назначения. В августе 1936 года, вместе с Мрачковским, Тер-Ваганяном и Гольцманом, он стал фигурантом Первого Московского процесса по делу так называемого «антисоветского объединённого Троцкистско-Зиновьевского центра». Теперь группа Смирнова преобразовалась во время следствия в террористический центр, организовавший в конце декабря убийство С. М. Кирова и ряд других, не удавшихся, покушений.

Сталин так хотел обвинить Смирнова, что следствие даже проигнорировало его абсолютное алиби – нахождение в заключении. НКВД под руководством Ягоды шантажировало заклю-

ченных судьбами их родственников. Бывшая жена Смирнова, на первом судебном процессе державшаяся мужественно, на этот раз умоляла Смирнова принять участие в фарсе ради их детей.

24 августа 1936 года Военной коллегией Верховного Суда СССР вместе с другими подсудимыми он был приговорён к высшей мере наказания и расстрелян на следующий день. Рассказывают, что, отправляясь на расстрел, И. Н. Смирнов сказал: «Мы это заслужили своим поведением на суде», – хотя Троцкий именно его поведение на процессе нашёл наиболее достойным.

В конце 50-х годов Смирнову и его соратникам было отказано в реабилитации, и только в июле 1988 года, когда фракционность перестали считать преступлением, он был реабилитирован Пленумом Верховного Суда СССР.

Его старшая дочь после заключения и ссылки все же была расстреляна, а младшая дочь Елена (Владлена) бежала из Москвы, чтобы не попасть в детский дом. Вторая жена – Александра Николаевна Сафонова прошла через ссылку и лагеря, а Первая жена – Роза Михайловна Смирнова после тюрьмы и лагерей тоже была расстреляна.

Наркомы внутренних дел СССР

У многих граждан старшего поколения на слуху фамилии наркомов внутренних дел Советского союза времен массовых политических репрессий, но более молодые жители страны имеют о них смутное представление. Да и у старшего поколения в памяти остались в основном обрывки воспоминаний о «ежовых рукавицах». Не принято и не безопасно было в те времена обсуждать действия наркомов. Позже, уже во времена «хрущевской оттепели», многое стало известно, но больше обсуждался культ личности Сталина, да и то шепотом и на кухнях.

Почему в рамках данной книги я считаю необходимым сделать этот исторический экскурс? Все очень просто: участников Троцкистско-Зиновьевского центра после убийства Кирова арестовали при Ягоде, бабушку и дедушку арестовали и осудили при Ежове, срок они отбывали при Берии, и каждый раз со сменой наркома внутренних дел у заключенных вспыхивала надежда: вот уж новый придет и разберется, и выпустит невиновных, и накажет виноватых...

Но наркомы менялись, а линия на борьбу с врагами партии и народа оставалась неизменной. Хронология их смены выглядит так:

- Ягода Г. Г. 10.07.1934 26.09.1936 (расстрелян в 1938 году);
- Ежов Н. И. 26.09.1936 25.11.1938 (расстрелян в 1940 году);
- Берия Л. П. 25.11.1938 29.12.1945 (расстрелян в 1953 году);
- Меркулов В. Н. 17.12.1938—03.02.1941 (расстрелян в 1953 году).

Попробую очень коротко охарактеризовать троих из этих важных общественных деятелей, на совести каждого из которых тысячи невинных жертв и множество поступков на благо своей страны. Те, кто знаком с историей 30-х годов прошлого века, могут эту главу не читать, но даже те, кто интересовался историей тех лет, могут найти здесь для себя что-то новое.

Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) был создан летом 1934 года. Он включил в себя ОГПУ (Объединенное Государственное Политическое Управление), переименованное в ГУГБ (Главное управление государственной безопасности). С 1946 года НКВД переименовано в МВД.

Генрих Ягода

Первым Наркомом внутренних дел СССР был назначен Генрих Ягода. Изначально ГУГБ включало в себя:

– особый отдел (контрразведку);

- секретно-политический отдел (занимавшийся борьбой с политическими противниками);
- экономический отдел (отвечавший за борьбу с диверсиями и вредительством);
- иностранный отдел (занимавшийся разведкой за границей);
- оперативный отдел (отвечавший за охрану руководителей партии и правительства, обыски, аресты, наружное наблюдение);
- специальный отдел (занимавшийся шифровой работой, обеспечением секретности в ведомствах);
- транспортный отдел (отвечавший за борьбу с вредительством, диверсиями на транспорте);
- учётно-статистический отдел (ведущий оперативный учёт, статистику, архивную работу).

Впоследствии неоднократно производились реорганизации, переименования, как управлений, так и отделов. НКВД придавались воинские подразделения, передавалась недвижимость и мебель репрессированных.

ГУГБ возглавлял лично нарком тов. Ягода Генрих Григорьевич (Гершеневич), бывший революционер, политический и государственный деятель. Ему было присвоено почетное специальное звание «Генеральный комиссар государственной безопасности».

На чем «погорел» первый нарком внутренних дел? На том же, на чем и большинство репрессированных. При нем произошел теракт – убийство тов. Кирова. Это ему было дано указание Сталина – «разобраться» со всеми организованными троцкистами и прочими оппозиционерами, которые свободно процветали при его руководстве НКВД.

Ему приписали попустительство врагам, государственную измену и даже шпионаж. Обвинение в попустительстве врагам очень напоминает то, которое вскоре будет предъявлено Жестяниковой Розе Вульфовне. Как говорится, за что боролся, на то и напоролся. Но не будем злорадствовать.

Ягода сам стал жертвой той системы, которую насаждал со всем рвением. Ягоду судили в одном деле с Бухариным и Рыковым.

Обвинение в шпионаже Ягода категорически отверг со словами: «Нет, в этом я не признаю себя виновным. Если бы я был шпионом, то уверяю вас, что десятки государств вынуждены были бы распустить свои разведки». Генрих Ягода признал себя виновным, что прикрывал участников заговора.

Этот сюжет тоже имеет сходство с делом Жестяниковой, которая «покрывала троцкистов»...

По данным Википедии, которая ссылается на непроверенные источники, между Ягодой и прокурором Вышинским имел место следующий диалог:

Вышинский:

Во всяком случае, это было тогда, когда вы, подсудимый Ягода, были заместителем председателя ОГПУ и, когда на вашей обязанности лежала борьба с подпольными группами?

Ягода:

Да.

Вышинский:

Следовательно, вы совершили прямую государственную измену?

Ягода:

Да.

Вышинский:

Скажите, предатель и изменник Ягода, неужели во всей вашей гнусной и предательской деятельности вы не испытывали никогда ни малейшего сожаления, ни малейшего раскаяния? И сейчас, когда вы отвечаете, наконец, перед пролетарским судом за все ваши подлые преступления, вы не испытываете ни малейшего сожаления о сделанном вами?

Ягода:

Да, сожалею, очень сожалею...

Вышинский:

Внимание, товарищи судьи. Предатель и изменник Ягода сожалеет. О чём вы сожалеете, шпион и преступник Ягода?

Ягода:

Очень сожалею... Очень сожалею, что, когда я мог это сделать, я всех вас не расстрелял. Приговор был очевиден – высшая мера.

После ареста Ягоды 26.09.1936 Наркомом внутренних дел был назначен Ежов Николай Иванович, бывший крупный партийный функционер, превратившийся в главного организатора массовых политических репрессий в СССР в 1937 и 1938 годах.

Ежов Николай Иванович

Именно он возглавил дело по убийству Кирова и по Кремлевскому делу, увязав убийство с деятельностью оппозиционеров – Троцкого, Каменева и Зиновьева. Ежов фактически вступил в заговор против Ягоды и его приближенных.

На время руководства НКВД Ежовым приходится пик политических репрессий, которые при Ежове совершали с большим рвением, размахом и жестокостью. Ежов и сам не чурался применения пыток во время допросов, на которых любил присутствовать. Период его руководства ведомством НКВД народ метко прозвал «ежовщиной», а методы дознания с применением методов физического воздействия – «ежовыми рукавицами».

При Ежове процветали разнарядки местным органам НКВД на количество людей, которое следовало арестовать, выслать, отправить в лагеря и расстрелять. Сохранился документ-шифровка от начальника НКВД Иркутской обл. Малышева и исполняющего обязанности секретаря Иркутского обкома Филиппова с просьбой увеличить лимит по первой категории (расстрелу) с резолюциями членов Политбюро.

Жертвами «ежовщины» стали так называемые нижегородские «троцкисты», которые часто на допросах говорили именно то, что от них требовали следователи, давали показания друг на друга и супруг на супругу. Можно догадаться, почему они на это соглашались.

Именно под этот молот попали и мои бабушка и дедушка, и их близкие и дальние родственники. Но не могу не подчеркнуть: от них следствие не получило ничего, что не было ему известно раньше.

Как и Ягоде, Ежову были приданы органы государственной безопасности (ГУГБ), милиция, вспомогательные службы. Он провел массовые чистки в рядах органов внутренних дел, арестовав несколько тысяч сотрудников ГУГБ, бывших соратников Ягоды.

Я пыталась найти среди репрессированных служащих органов безопасности Воскресенского – следователя по делу моей бабушки, но нет – он нашелся в числе тех, кто при любой смене власти в комиссариате оставался на плаву и продолжал делать свою маленькую карьеру, дослужившись до лейтенантского звания (что примерно соответствовало армейскому званию майора).

При Ежове были репрессированы многие бывшие ленинцы, бывшие члены Политбюро ЦК ВКП (б): Ян Рудзутак, Станислав Косиор, Влас Чубарь, Павел Постышев, Роберт Эйхе, был проведен ряд громких процессов против бывших членов руководства страны, закончившихся смертными приговорами. В своём рабочем столе Ежов хранил пули, которыми были расстреляны Зиновьев, Каменев и Иван Смирнов; эти пули были изъяты впоследствии при обыске у него.

Лидеры Левой оппозиции. В центре (сидят) И. Смирнов, Л. Троцкий и И. Смилга

Власть Ежова была огромна, но не безгранична. Его ждала судьба своего предшественника. В 1939 году он был арестован по обвинениям в шпионаже, подготовке государственного антисоветского переворота и терроризме. Донос на него написал начальник управления НКВД по Ивановской области В. П. Журавлёв.

Портреты Ежова и Сталина висели на стенах гулаговской постройки в преддверии XXI годовщины Октября, когда до снятия Ежова с должности оставалось 17 дней.

Еще до ареста, 23 ноября 1938 года, Ежов подал Сталину прошение об отставке, мотивируя ее тем, что он признает себя ответственным за вредительскую деятельность различных «врагов народа», проникших по недосмотру в НКВД и прокуратуру. Он брал на себя вину за бегство ряда разведчиков и просто сотрудников НКВД за границу (что действительно имело место). Он соглашался с ошибками в расстановке кадров и другими ошибками и промахами.

Еще в августе заместителем Ежова и начальником ГУБГ был назначен Лаврентий Павлович Берия, а после отставки Ежова 24 ноября 1938 года Берия занял его пост. Ежов был освобожден от должности наркома НКВД, но пока сохранял за собой посты секретаря ЦК ВКП (б), наркома водного транспорта и председателя Комиссии партийного контроля (КПК).

9 апреля его сняли с должности наркома водного транспорта, а на следующий день он был арестован при личном участии Берии и Маленкова. Дело Ежова вел лично Берия при помощи своего верного соратника Богдана Кобулова.

Ежов обвинялся в том, что «подготавливая государственный переворот, готовил через своих единомышленников по заговору террористические кадры, предполагая пустить их в действие при первом удобном случае. Ежов и его сообщники Фриновский, Евдокимов и Дагин практически подготовили на 7 ноября 1938 года путч, который, по замыслу его вдохновителей, должен был выразиться в совершении террористических акций против руководителей партии и правительства во время демонстрации на Красной площади в Москве». Эта формулировка взята из обвинительного заключения.

Было и еще одно обвинение – в мужеложстве, которое наказывалось по тогдашним законам. В своих гомосексуальных связях Ежов сознался, назвав среди своих любовников ряд театральных и партийных деятелей. Их фамилии известны, но здесь не приводятся из этических соображений, тем более что не известно, было ли признание добровольным или полученным под пытками. Все перечисленные им лица были расстреляны, кроме одного, отправленного в психушку. Ежов обвинялся «в актах мужеложства в антисоветских и корыстных целях». На суде эти обвинения не звучали.

На следствии Ежов отвергал все обвинения, но после применения методов физического воздействия написал признательные показания по всем пунктам. На заседании ВКВС СССР (Военной Коллегии Верховного Суда) Ежов отказался от своих признаний в шпионаже, терроризме и заговоре, но своей ошибкой признавал то, что мало чистил органы госбезопасности от врагов народа.

16 января 1940 года Берия внес Ежова в список по 1-й категории, то есть в расстрельный список. 3 февраля ВКВС СССР Ежов был приговорен к высшей мере наказания и в ближайшие дни был расстрелян вместе со своими бывшими соратниками. Приговор был приведен в исполнение в Сухановской особой тюрьме. Когда его вели на расстрел, по утверждению свидетеля Судоплатова, Ежов пел «Интернационал». Его прах захоронен в могиле №1 крематория Донского кладбища – там же, где захоронен прах тех, кого расстреливали по его указанию или с его согласия.

Лаврентий Павлович Берия

Преемником Ежова стал Лаврентий Берия, до этого работавший первым секретарем ЦК Компартии Грузии, а позже – заместителем Ежова. Начиная с декабря 1938 года Берия начал широкомасштабную кампанию по истреблению соратников Ежова по НКВД, судам и прокуратуре. Но наш непотопляемый Воскресенский остался на своем месте. Многие невинно осужденные, до которых дошли слухи о чистках в органах правосудия, воспрянули духом в надежде на нового Наркома.

29 сентября 1938 года вновь создано ГУГБ, которое возглавил Меркулов В. Н. Он подчинился Берии, который возглавлял всю структуру НКВД. Лаврентий Павлович параллельно с должностью Наркома внутренних дел в 1941 году получил звание генерального комиссара государственной безопасности, а в 1945 году – Маршала Советского союза. С 1941 года Берия был заместителем Председателя Совнаркома (тов. Сталина), а после смерти Иосифа Виссарионовича – заместителем Председателя Совета Министров Маленкова. Берия входил в ЦК ВКП (б), с 1946 года был членом Политбюро ЦК ВКП (б), в 1952—1953 году – членом Президиума ЦК.

Берия сосредоточил в своих руках огромную власть, которую использовал как на разрушение, так и на созидание.

Он провел «чистки» партийных и государственных деятелей Грузии, Армении и Азербайджана, обвиняя их в заговоре, который был направлен на выход Закавказских республик из состава СССР с дальнейшим переходом под протекторат Великобритании. Берия тоже не гнушался лично и с пристрастием допрашивать «заговорщиков». Он был известен тем, что еще в 1936 году, в своем кабинете во время допроса, застрелил первого секретаря ЦК компар-

тии Армении А. Г. Ханджяна. Не прекратил он репрессий и на новом посту, но, тем не менее, их темп был значительно снижен.

По мнению некоторых историков, с приходом Л. П. Берии на пост главы НКВД масштабы репрессий резко сократились, Большой террор завершился. Разные источники называют цифру освобожденных в 1939—1940 годах от 100—150 тысяч человек до 280 тысяч. Начало снижаться число приговоренных к высшей мере. При его руководстве начался учет «антисоветских элементов», он курировал операцию по убийству Троцкого, по его инициативе были расстреляны без суда пленные польские офицеры.

Берия сосредоточил в своих руках огромную власть, которая усиливалась благодаря его близости к Сталину. На фото, которое относится к 1931 году, он держит на коленях дочь Сталина.

Он был человеком жестоким и безжалостным, но это не помешало (а скорее помогло) ему курировать ряд областей военной промышленности, включая разработки ракетной техники и атомного оружия. С 20 августа 1945 года он возглавил реализацию атомной программы СССР. Под его руководством была создана обширная агентурная разведывательная сеть в странах Европы, в США и Японии.

В годы войны Л. П. Берия был членом ГКО (Государственного комитета обороны), контролировал производство самолетов, моторов, вооружения и минометов, а также выполнение решений ГКО по работе ВВС Красной Армии, касающиеся формирования авиаполков, своевременной их переброски на фронт и т. п. Одновременно он контролировал работу Наркоматов угольной промышленности и путей сообщения. С мая 1944 года Берия был назначен заместителем Председателя ГКО и возглавил Оперативное бюро, которое контролировало все Наркоматы оборонной промышленности, металлургии, электростанций и многих других отраслей промышленности. За работу в годы войны Берия был награжден орденами Ленина и Красного Знамени.

Л. П. Берия возглавил операции по выселению из пограничных районов турков, курдов, хемшинов, крымских татар. Л. П. Берия был мощной, но противоречивой, неоднозначной фигурой, умным интриганом.

Наряду с Маленковым и Хрущевым после смерти Сталина Берия стал одним из претендентов на руководство страной. Власть его была огромна, ему подчинялись все силовые ведомства страны, союзных республик и регионов. Все его предложения принимались ЦК и Советом министров безоговорочно из страха быть смещенным и наказанным. В результате борьбы за власть Берия был арестован.

В самом начале войны, в конце июня 1941 года, Берия через посла Болгарии в СССР пытался прозондировать, на каких условиях Германия согласится прекратить войну против

СССР. Этот факт в 1953 году был поставлен ему в вину и дал основания обвинить его в шпионаже, а, следовательно – в измене Родине. Так же ему инкриминировался заговор с целью захвата власти.

Берия не успел провести ряд намеченных реформ, но кое-что ему удалось:

- прекратить «дело врачей», «авиационное дело» и «мингрельское дело»;
- инициировать освобождение из мест лишения свободы 1 млн. 32 тыс., осуждённых на срок до 5 лет включительно, за должностные, хозяйственные и некоторые воинские преступления, а также несовершеннолетних, престарелых, больных, женщин, имеющих малолетних детей и беременных;
- запретить применение к арестованным «мер принуждения и физического воздействия»;
- инициировать принятие мер «по вскрытию преступных действий, совершённых на протяжении ряда лет в бывшем Министерстве госбезопасности СССР, выразившихся в фабрикации фальсифицированных дел на честных людей»;
- подать записки в Президиум ЦК о реабилитации Н. Д. Яковлева, И. И. Волкотрубенко, И. А. Мирзаханова, М. М. Кагановича.

В области экономики из состава МВД были переданы промышленным и другим профильным министерствам крупные стройки и предприятия – Дальспецстрой, Енисейстрой, Гидропроект и многие другие.

Во внешней политике Берия был сторонником отделения союзных республик, объединения Германий на условиях блока НАТО. Он признавал возможность возврата Кёнигсберга Германии, южных Курильских островов – Японии, территории Карелии и Печенги, вошедшей в состав СССР после 1940 и 1947 гг. – Финляндии.

В области национальной политики Берия готовил реформы, которые впоследствии были признаны ошибочными (а позже воплощены в жизнь), касались замены руководства республик национальными кадрами и ускоренной «коренизации» населения республик. Эти решения и постановления привели к ущемлению русских в национальных республиках, вызвали ряд беспорядков на местах. Они были классифицированы как разжигание межнациональной розни по статьям ст. 59—7 и 58—10 УК СССР от 1926 года, предусматривающих ответственность за деяния, в том числе, «с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела с конфискацией имущества».

23 декабря он был расстрелян по приговору Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР. Как один из организаторов репрессий Берия реабилитации не подлежал. По поводу заговора и подготовки государственного переворота большинство исследователей приходят к выводу, что они были придуманы, чтобы как-то объяснить народу, за что арестовали самого верного ученика Сталина.

Тело Берии было сожжено в 1-м Московском (Донском) крематории, а прах захоронен в одной из общих могил Нового Донского кладбища, там же, куда хоронили прах расстрелянных троцкистов и контрреволюционеров. Но существует версия, что прах его был развеян над Москвой-рекой.

В деле ареста и казни Лаврентия Павловича Берии существует много неувязок и противоречий, в нем нет ни ордера на арест, ни оригиналов протоколов допроса, нет материалов, подтверждающих, что он был жив в период после ареста и до расстрела, нет справки о кремации. Это дает некоторым историкам основания утверждать, что Л. П. Берия был убит при аресте, а весь судебный процесс является фальсификацией, призванной скрыть истинное положение дел.

В печати и литературе времён «оттепели» произошла демонизация образа Берии, с возложением на него вины за все массовые репрессии как на главного инициатора. Некоторые

исследователи 2000-х годов рассматривали Берию лишь в качестве исполнителя сталинской политики.

Киров Сергей Миронович

Сергей Миронович Киров – неординарная историческая личность, соратник Сталина, известный революционер, партийный и хозяйственный деятель, один из наиболее авторитетных и любимых народом лидеров страны.

С. М. Киров (Костриков) родился в 1886 году в городке Уржум Вятской области. В 1894 году дети осиротели, и Сергей попал в сиротский приют. Учился он хорошо, окончил приходское училище в своем городе, а потом перебрался в Казань, где в 1901 году поступил в промышленное механико-техническое училище. Через 3 года, после окончания училища, он нашел работу чертежника в городской управе Томска и посещал подготовительные курсы в Томском технологическом институте.

Когда С. М. Киров вступил в партию РСДРП в 1904 году, он имел партийный псевдоним Серж. В 1905 году Киров был избран членом комитета партии, а год спустя он уже заведовал подпольной типографией. Кирова неоднократно арестовывали, в 1907 году он даже отбыл срок в 1 год и 4 месяца. После отбытия наказания в 1908 году он переезжает в Иркутск, где занимается восстановлением партийной организации.

Пытаясь избежать очередного ареста, С. М. Киров переезжает во Владикавказ, где возглавляет организацию большевиков. К 1910 году он уже возглавляет большевистскую партию Северного Кавказа, а с 1917 года работает во Владикавказском совете.

В октябре 1917 года принимает участие в восстании в Петербурге, после чего возвращается во Владикавказ. В конце 1918 года он возглавил экспедицию оружия на Северный Кавказ, но там уже хозяйничали белогвардейцы. Киров остался в Астрахани.

Там он участвовал в знаменитой обороне Астрахани в 1919 году, после чего вместе с Орджоникидзе возглавил наступление Красной армии на Северном Кавказе. После победы советской власти на Северном Кавказе, в 1920 году Кирова направили полпредом в Грузию, а через год он уже был секретарем Центрального комитета партии в Азербайджане, где кроме партийной работы занимался восстановлением добычи нефти.

В 1926 году Киров переезжает в Ленинград, где избирается первым секретарем Северо-Западного бюро комитета партии, членом Ленинградского Губкома. На этой должности он рьяно боролся с оппозиционерами. В 1933 году вместе с Медведем и Кадацким входил в состав «тройки» Ленинградской области по рассмотрению дел о повстанчестве и контрреволюции с правом вынесения расстрельного приговора.

В 1930 году Киров вошел в Политбюро ЦК, а в 1934 году он стал секретарем Оргбюро и членом Президиума ЦИК. За партийную и политическую деятельность он был награжден орденами Ленина и Красного знамени.

Сергей Миронович дважды был женат, первая жена умерла, а со второй отношения не складывались. В 1929 году он познакомился с Мильдой Драуле, с которой они стали любовниками, но оба состояли в браке. Он устроил ее на работу в отдел кадров горкома, где они могли регулярно видеться. Когда о романе стало известно, ее перевели на другую работу. Ее супруг, Леонид Николаев, стал убийцей Кирова. С. М. Киров был застрелен выстрелом в затылок 1 декабря 1934 года в одном из коридоров Смольного.

Сразу после убийства Кирова вышло официальное заявление о том, что Сергей Миронович стал жертвой заговорщиков, а Президиумом ЦИК СССР в тот же день были внесены изменения во все уголовно-процессуальные кодексы союзных республик: «Следственным властям – вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком. Судебным органам – не задерживать исполнение приговоров...». За убийством Кирова потянулся поток репрессированных, наступил период Большого террора, который длился несколько лет.

Существует версия, что убийство Кирова было вызвано чисто личными мотивами, но есть и другая версия, по которой Сталин расправился со своим возможным конкурентом руками Николаева, которого специально подстрекали расправиться с любовником жены.

Месть о причастности Сталина к убийству Кирова была популярной в 30-е годы и во времена разоблачения культа личности. Сразу после убийства появилась частушка: «Ой, огурчики-помидорчики, Сталин Кирова убил в коридорчике». А позднее появился анекдот: Сталин выступает на Партконференции: – Товарищи, враги революции убили товарища Кирова! – Голос из зала: кого, кого убили? – Повторяю, враги революции убили товарища Кирова! – Голос из зала: кого, кого убили? – Повторяю: – Враги революции убили товарища Сергея Мироновича Кирова! Голос из зала: кого, кого убили? – Кого надо, того и убили!

Анекдот смешной, но жесткий и несправедливый. Версию о причастности Сталина историки категорически отвергают, так как Киров и Сталин были близкими друзьями, и Киров никогда не шел против Сталина. Соперником ему он тоже не был, хотя на XVII съезде ВКП (б) 26 января 1934 292 делегата из 1059 проголосовали против кандидатуры Сталина на выборах состава ЦК, а против кандидатуры Кирова было всего четыре голоса. Позже результаты выборов были фальсифицированы, а 60 из 63 членов избирательной комиссии были расстреляны. Тем не менее, амбиции Кирова не распространялись так далеко, чтобы это могло волновать Сталина. Сергея Мироновича вполне устраивала роль секретаря Ленинградского обкома, и он дорожил дружбой со Сталиным.

В 1938 году на процессе троцкистско-бухаринского параллельного антисоветского центра один из подсудимых, бывший нарком внутренних дел Ягода сознался, что в подготовке убийства Кирова принимали участие сотрудники Ленинградского управления НКВД. Их задача в основном заключалась в том, чтобы не мешать Николаеву в осуществлении теракта.

«На допросах Дмитриев убеждал Николаева, что выстрел произведен зиновьевской оппозицией, и что Николаев является физическим исполнителем», – в 1956 году показал Кацафа, бывший офицер НКВД и «подсадная утка» в камеру Николаева.

История пока предпочитает версию личной мести. Но то, что факт убийства С. М. Кирова стал поводом для расправы с оппозицией и с теми, кто мог к ней примыкать, никто не оспаривает.

Версия о любовнице Кирова – жене убийцы – Л. В. Николаева тоже дает трещину. Киров был ценителем женской красоты, а Мильда Драуле была неказистой, полной женщиной с заячьей губой, в то время как Киров обожал балерин и актрис. Более того, никаких свидетельств об их связи не сохранилось.

Прах Кирова покоится в Кремлевской стене.

На убийстве Сергея Мироновича Кирова придется остановиться наиболее подробно, так как от него ниточка тянется через Жестяникова Изолита Гргорьевича и Цейтлина Якова Семеновича в Нижний Новгород, до которого докатилась волна арестов. Подробную информацию о Цейтлине мы узнаем из протоколов допросов.

Почему Л. В. Николаев убил Кирова

В 2009 году открыли содержание дневника Л. В. Николаева, написанного до убийства. Из него вырисовывается личность будущего убийцы. Это не было спонтанным действием ревнивца. Убийство тщательно готовилось, и причиной ненависти и личной неприязни была вовсе не связь Кирова с его женой – об этом в дневнике нет ни слова. Николаев решил убить Кирова в качестве отместки за свое убогое положение, в котором оказался, как он думал, по вине Кирова. По крайней мере, он многократно апеллировал к нему, но не получал ни помощи, ни ответа.

Но личные обиды были не достаточным основанием для совершения убийства. Николаев, человека слабого и не хватающего звезд с неба, привлекала слава знаменитых убийц: Игнатия Гриневского – убийцы Александра II и Андрея Ивановича Желябова, который совершил неудачное покушение на Александра II.

Леонид Васильевич Николаев был щуплым, амбициозным человеком, склонным к написанию жалоб, доносов и кляуз. Он сменил 15 мест работы и нигде не проявил ни рвения, ни таланта. Он был мелким партийным функционером и государственным служащим. Больше всего он жалел о потере места разъездного сотрудника комиссии Института истории партии Ленинградского обкома ВКП (б).

В 1933 году его хотели перевести на работу в провинцию, но он отказался, мотивируя отказ состоянием здоровья. За отказ подчиниться был уволен с работы и исключен из партии. После многочисленных обращений членство в партии восстановили, но «достойной» работы не предложили. На предлагаемых должностях зарплата была в несколько раз меньше, чем в Институте. Поэтому он предпочел жить на содержании жены.

О своем положении он писал жалобы в различные инстанции, в том числе и С. М. Кирову с просьбой разобраться и помочь. Так же он просил о личной встрече, но Киров на письма не отвечал и встреч не назначал, чем вызвал нарастающую обиду и ненависть.

Из дневника Николаева стало известно, что он пошел на убийство не из ревности и не по приказу свыше, а по причине банальной мести из-за лишения работы и изгнания из партии.

После выстрела в Кирова Николаев хотел покончить с собой, но у него ничего не вышло, хотя он, по его словам, нажал на курок. Его нашли без сознания с небольшой раной на голове. Есть версия, по которой первым на выстрел прибежал электрик и ударил Николаева молотком по голове, в результате тот упал, почувствовав удар и решив, что в голову угодила пуля. Не исключено, что он просто упал в обморок от страха, поэтому и промахнулся. Впрочем, это не имеет большого значения. Важно, что он остался жив и предстал перед следствием.

Но существуют факты, которые не могут быть объяснены до сих пор. Например, почему телохранитель Кирова Борисов, прибежавший одним из первых на место убийства, погиб на следующий день в автомобильной аварии? И почему, когда Николаеву объявили смертный приговор, он кричал: «Обманули!». Кто, что и за что ему обещал?

На этот вопрос находим ответ в воспоминаниях Кацафы, офицера НКВД, который был помещен в одну камеру с Николаевым для наблюдения: «В момент объявления приговора Николаев услышал, что его приговорили к расстрелу, ударился лбом о барьер со всей силой, ругаясь при этом по адресу следственных работников и главным образом в адрес Дмитриева за то, что его обманули и не сохранили ему жизнь». Это указывает на то, что Николаев все же пошел на сотрудничество со следствием за обещание сохранить ему жизнь.

В любом случае, убийство Кирова стало спусковым механизмом для репрессий. Сталин был расстроен убийством друга, и месть его стала беспредельной. Прибыв в Ленинград, Сталин

сразу сделал вывод, что убийство Кирова – дело рук оппозиции, а конкретнее – зиновьевцев. После этого другие версии не рассматривались.

Вслед за арестом Николаева последовали аресты его близких и друзей, через которых следствие пыталось найти выходы на оппозицию. И преуспело в этом. НКВД открыло уголовное дело об участии в подпольной зиновьевской организации, возглавляемой «Ленинградским центром».

29 декабря 1934 года, менее чем через месяц после убийства, Николаев был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в тот же день. Его жена Мильда Драуле тоже была расстреляна 10 марта 1935 года (в 1990 году была реабилитирована). Вместе с ней расстреляли ее сестру Ольгу Петровну Драуле и её мужа Романа Марковича Кулишера. Мы упоминаем их, потому что их показания сыграли важную роль в дальнейших арестах.

Старшую сестру Николаева Екатерину Васильевну Рогачёву сначала осудили на 5 лет лагерей, а потом, в 1938 году, расстреляли. Брата по матери Пётра Александровича Николаева расстреляли в 1935 году. Остальных родственников приговорили к разным срокам отбывания наказания в исправительно-трудовых лагерях.

Вместе с Николаевым были арестованы еще 77 человек, из них 13 «участников ленинградского центра» были расстреляны. Пострадали просто знакомые и даже друзья детства Николаева. Среди арестованных знакомых Николаева был и Ханик, по показаниям которого был арестован Жестяников Изолит и еще десяток общих знакомых.

Посмотрим, как начинала срабатывать цепочка жертв политических репрессий. Для этого обратимся к открытым сейчас протоколам допросов Николаева и его родственников.

Протокол допроса Арестованного Николаева Леонида Васильевича

Несмотря на всю естественную неприязнь к убийце, надо отдать ему должное: в первый день ареста, 1 декабря 1934 года, когда Николаев был обескуражен неудачной попыткой самоубийства и был легкой добычей для следователей НКВД, он никого не оговорил и брал всю вину на себя. Обратимся к материалам допроса.

Вопрос:

Сегодня, 1 декабря, в коридоре Смольного Вы стреляли из револьвера в секретаря ЦК ВКП (б) т. КИРОВА, скажите, кто вместе с Вами является участником в организации этого покушения.

Ответ:

Категорически утверждаю, что никаких участников в совершенном мною покушении на т. КИРОВА у меня не было. Все это я подготовлял один, и в мои намерения никогда я никого не посвящал.

Вопрос:

С какого времени Вы подготовлялись на это покушение.

Ответ:

Фактически мысль об убийстве т. КИРОВА у меня возникла в начале ноября мес. 1934 г., с этого времени я и готовился к этому покушению.

Вопрос:

Какие причины заставили Вас совершить это покушение.

Ответ:

Причина одна – оторванность от партии, от которой меня оттолкнули события в Ленинградском институте истории партии, во-вторых, мое безработное положение и отсутствие материальной, а самое главное – моральной помощи со стороны партийных организаций. Все мое положение оказалось с момента моего исключения из партии (8 месяцев тому назад), которое опорочило меня в глазах партийных организаций. О своем тяжелом материальном и моральном положении я многократно писал в разные партийные инстанции (Смольнинскому райкому, Парткому института истории партии, Обкому и в ЦК ВКП (б), в Ленинградскую Комиссию Партконтроля, а также и Партконтроля при ЦК ВКП (б)), но ниоткуда я реальной помощи не получил.

Вопрос:

О чем конкретно Вы писали во всех этих заявлениях.

Ответ:

Везде я писал, что оказался в безвыходном положении и что у меня наступил критический момент, толкающий меня на совершение политического убийства.

Вопрос:

Какая основная цель покушения, которое Вы совершили сегодня на т. КИРОВА.

Ответ:

Покушение на убийство т. КИРОВА имело основную цель – стать политическим сигналом перед партией, что на протяжении последних 8—10 лет на моем пути жизни и работы накопился багаж несправедливых отношений к живому человеку со стороны отдельных государственных лиц. Все это до поры до времени я переживал, пока я был втянут в непосредственную общественно полезную работу, но когда оказался опороченным и оттолкнутым от партии, тогда решил сигнализировать обо всем перед партией.

Эта историческая миссия мною выполнена. Я должен показать всей партии, до чего довели НИКОЛАЕВА за зажим самокритики.

Вопрос:

При Вас во время личного обыска обнаружен составленный Вашей рукой план совершения покушения, скажите, с кем Вы вырабатывали этот план.

Ответ:

Кто мне мог бы помочь составить такой план. Никто мне в его составлении не помогал. Составил я его лично сам под влиянием событий вокруг меня в Институте истории партии. Кроме того, я составлял этот план под влиянием несправедливого отношения ко мне, когда работал в обкоме ВКП (б) и в обл. КК.

Категорически утверждаю, что этот план выработал и составил я лично, никто мне в этом не помогал, и никто о нем не знал.

Вопрос:

Ваш брат Петр знал об этом плане?

Ответ:

Если бы он об этом знал, он сразу бы меня выдал.

Вопрос: В Вашей записной книжке имеется вписанный Вашей рукой адрес и телефон германского консульства в Ленинграде. Кто Вам дал этот адрес и телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.